

КРАСНЫЙ
ДРАКОН

ЦИНЬ
ВЭНЬЦЗЮНЬ

МАЛЬЧИК

ПО ИМЕНИ

Узга Ли

ЛЕНИЗДАТ

Вэньцзюнь Цинь

Мальчик по имени Цзя Ли

«Автор»

2024

Цинь В.

Мальчик по имени Цзя Ли / В. Цинь — «Автор», 2024

Роман, следующий современным тенденциям многообразия детской китайской литературы. В отличие от тяжелой и глубокой детской прозы Китая восьмидесятых и девяностых годов, эта книга написана с юмором, хорошо понятым и принятым читателями. Роман переведен на японский, английский и русский языки, экранизирован, показан по телевидению и получил множество наград. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© Цинь В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие автора. Некое пристрастие	5
Глава 1. Звезда сцены	7
Глава 2. Три мушкетера	15
Глава 3. Клоун	22
Глава 4. Дела семейные	28
Глава 5. Страдающий писатель	34
Глава 6. Цена приключений	42
Глава 7. Любящие сердца	48
Глава 8. Неприятности с выборами	53
Глава 9. День рождения	58
Глава 10. Сложности с театром	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вэньцзюнь Цинь

Мальчик по имени Цзя Ли

Предисловие автора. Некое пристрастие

В том, куда человек идет, где остается и к чему в итоге устремляется, есть немало удивительных случайностей и невыразимой неизбежности. Это же касается и написания книг. Так, «мальчик по имени Цзя Ли» начался со случайного письма от одного мальчика, которое и послужило поводом для рождения романа. С середины 80-х до первой половины 90-х годов детская литература в Китае была тяжелой и глубокой, а с середины 90-х стала стремиться к многообразию. В этом плане «Мальчику по имени Цзя Ли» повезло следовать общей тенденции развития детской литературы.

После публикации «Мальчик по имени Цзя Ли» был экранизирован и показан по телевидению, получил множество наград. Увидели свет издания на японском языке, тайваньская версия, напечатанная иероглифами полного письма, в ближайшее время выйдет английский перевод книги. Конечно, это необыкновенно прекрасные новости, но больше всего меня радует непрерывный поток писем от моих юных читателей и добрые пожелания, которые я почти каждый день от них получаю. В большинстве писем читатели пишут следующее: им нравится книга, они надеются подружиться с автором, спрашивают, не издал ли он еще каких-то книг, и просят написать продолжение «Мальчика по имени Цзя Ли». А один школьник из провинции Хэнань, так и не дождавшись продолжения, попросту написал его сам и прислал рукопись в пятьдесят тысяч иероглифов в редакцию «Гиганта»...

Честно говоря, воодушевление, с каким читатели встретили «Мальчика по имени Цзя Ли», превзошло мои ожидания. До выхода этого романа я опубликовала 20 книг, в том числе «Девочка по имени Ло Вэй», «Шестнадцатилетняя девчонка», «Я девочка». Не смею утверждать, что мои работы превосходны, но могу сказать, что долгие дни и ночи я трудилась, как старец из китайской притчи⁰, чтобы найти идеальный подход к детской литературе. В «Мальчике по имени Цзя Ли» я старалась изобразить персонажа живо и с юмором. Многие читатели писали, что им очень понравился такой веселый стиль. Я подумала: если юмор может придать словам «наивную остроту», значит, он может повлиять и на романтические детские умы силой художественного воздействия.

Очень ярко звучат в письмах голоса, призывающие меня написать продолжение «Мальчика по имени Цзя Ли». Некоторые школьники даже обвиняют меня в жестокости, ведь они хотят узнать, что сейчас происходит с Цзя Ли, но не могут, а потому сильно беспокоятся о любимом герое. После того как я опубликовала «Девчонку по имени Цзя Мэй», многие читатели просили меня написать еще и о Лу Чжишэне и Линь Сяомэй. Другие говорили, что в «Мальчике по имени Цзя Ли» рассказывается, как он учился в первом классе средней школы, а можно написать про второй и третий класс, а потом и про старшую школу.

Для меня продолжение «Мальчика по имени Цзя Ли», несомненно, стало вызовом самой себе, потому что его художественное пространство довольно ограничено, а творческий потенциал писателя легко сковывается. Поэтому я долго вынашивала этот замысел, пока не возродилось некое пристрастие. Только тогда я сказала: «Теперь я напишу „Новые приключения мальчика по имени Цзя Ли“». Раз уж первая книга началась с письма читателя, а продолжение тоже обязано своим существованием письмам, логично объединить обе книги в одну.

⁰ Притча о старце Юй-гуне, который двигал горы. Считается символом китайского трудолюбия.

В этом издании напечатаны вместе «Мальчик по имени Цзя Ли» и «Новые приключения мальчика по имени Цзя Ли». На этом все истории с этим главным героем подходят к концу. Но, начав писать «Новые приключения», я обнаружила, что передо мной открывается прекрасное и чарующее творческое пространство: в будущем я собираюсь написать крупную серию, в том числе «Проказник Лу Чжишэн» и «Девчонка по имени Линь Сяомэй». Милая история о взрослении мальчугана Цзя Ли будет продолжаться в этой серии до тех пор, пока он не окончит старшую школу, и тогда мы с ним простимся.

Я изо всех сил стремлюсь исследовать детскую литературу с ее уникальными эстетическими закономерностями, поскольку это глубокий культурный феномен, распространяющийся среди юных читателей. На мой взгляд, настоящая детская литература не только совершенна в художественном плане, нисколько не манерна, но романтична. Ее формы довольно просты, в ней нет бросающихся в глаза идей, она заключает в себе неиссякаемую нравственную силу, выражает чувства и всю сущность человечества. Действительно, после всех поисков детская литература должна проникать в самую суть детской души. Только в этом и есть ее широкая дорога.

Глава 1. Звезда сцены

«Бьюсь об заклад, в мире мало найдется таких несчастных мальчишек, как я. Если бы у меня не было сестры, которая родилась со мной в один год, один месяц и один день, если бы она не была такой заурядной и изнеженной, ну или в крайнем случае если бы не училась в нашей параллели, это могло бы сэкономить мне немало клеток мозга, я даже мог бы выбиться в люди и прославиться! Как жаль, что это лишь мечты. Из-за этой прелестной сестренки меня окружают сплошные неприятности.

Хочу однажды собрать всех мальчишек, которые измучились из-за сестер, и открыть Общество Страдающих Братьев...»

(Из дневника Цзя Ли)

Все говорят, что понедельник – день тяжелый. Веселое воскресенье быстрой вспышкой промелькнет перед глазами и – только его и видели – становится свежим воспоминанием. А следующий прекрасный выходной наступит аж через сто с лишним часов. Оставаться равнодушным к этому вы можете будучи только очень терпеливым.

Тот день как раз был унылым понедельником. Мальчуган Цзя Ли бегом несся на учебу. Он недавно окончил начальную школу – а в Китае в ней учатся шесть лет – и теперь перевелся в первый класс средней, то есть в седьмой. Значок школы у него был явно новенький, к нагрудному карману была прикреплена толстая ручка, а на ногах красовались большие кроссовки марки Wolf. Выглядел он эдаким лихим красавцем. Ему все время кто-нибудь говорил, что глаза у него как у Алена Делона, но его не слишком радовал факт сходства с какой-то там кинозвездой. Вот если бы о нем сказали, что он похож на лауреата Нобелевской премии, возможно, он заулыбался бы во весь рот.

Для мальчишки на первом месте должен стоять ум, а внешность надо поместить ближе к концу списка мужских качеств. Так думал Цзя Ли.

Слева от Цзя Ли бежал его друг Лу Чжишэн – полненький круглолицый мальчишка с редкими тонкими волосами, напоминавший древнекитайского воина. С первого взгляда он мог показаться заурядным и сонным, но на самом деле у него был очень живой ум, он никогда не терялся в важные моменты, словом, нисколько не соответствовал своей внешности.

Лу Чжишэн любил поболтать. Всю дорогу он хвастался, как пел в караоке с одноклассниками племянника друга своего папы, а друзей у него было очень много.

– О, когда ты поешь в микрофон, получается совсем по-другому, чем без него, почти как у настоящего певца! Когда я допел, все друзья мне хлопали.

– В нашем ансамбле как раз тенора не хватает, – сказал Цзя Ли. – Вот давай ты там запевалой и будешь. Хочешь, я замолвлю за тебя словечко перед учительницей Син? Если я ей скажу, она точно подумает над предложением.

– Да не надо, я с учительницей Син тоже знаком, – сказал Лу Чжишэн. – Я не хвастаюсь, она правда каждый раз при виде меня головой кивает, совсем как знакомому.

Древние китайцы были очень мудрыми людьми. Их слова бывают актуальны и в наши дни, особенно фраза о древнем генерале Цао Цао: «Только вспомни Цао Цао – Цао Цао и придет!» В школе это правило очень хорошо работает.

Учительница Син как раз стояла у дверей школы и, улыбаясь, глядела на мальчиков. Она преподавала музыку и отвечала за школьный художественный ансамбль, а в подчинении у нее была целая группа таких красивых девочек, что глаз от них отвести невозможно. Сама учительница Син была изящной и стройной, ступала так легко, словно танцевала. Она все время

меняла наряды, подкрашивала губки помадой, а на ноги надевала изящные шелковые чулки. Если бы так выглядела другая женщина, ее можно было бы назвать глупой модницей, но у учительницы Син это были красота, гармония, чистый и возвышенный вкус.

– Доброе утро! – поприветствовала мальчиков учительница Син. Она всегда была приветливой.

– Доброе утро! – ответили мальчики, поглядев друг на друга.

Каждый, конечно, подумал, что учительница поздоровалась именно с ним, а второму просто по счастью перепало немного чести. Лу Чжишэн даже смутился из-за такой внезапной милости, поэтому добавил:

– Вы рано сегодня!

Они медленно прошли в двери, но учительница Син вдруг позвала:

– Цзя Ли, мне нужно кое-что тебе сказать!

Лу Чжишэну хотелось задержаться и послушать, но Цзя Ли подтолкнул его:

– Ты лучше отойди.

Лу Чжишэн не решился нагнеть перед учительницей, поэтому послушно ушел.

Цзя Ли не знал, о чем пойдет речь. Он беспокоился, что учительница Син хочет, чтобы он присоединился к художественному ансамблю. Девочки в нем были недурны – по крайней мере, по части внешности, а вот мальчишки вели себя препротивно: ни ума, ни порядка, только и мечтают напоказ себя выставить! Когда учительница Син заговорила, у Цзя Ли словно камень с души упал.

– У твоей сестры Цзя Мэй неплохое чувство прекрасного, данные у нее тоже хорошие. Она одна из лучших участниц ансамбля.

Это было неожиданное заявление. Цзя Ли всегда считал, что сестра у него страшненькая, и понять не мог, почему учительница Син взяла ее в ансамбль. А сейчас он даже почувствовал гордость за эту девчонку: оказывается, и она на что-то способна.

– Однако же, – добавила учительница Син, – она занимается не слишком усердно. Очень жаль, но у нее никак не получается правильно выполнить определенные движения.

Такой уж была сестра Цзя Ли – не любила рисоваться, училась так себе, если ей становилось сложно, сразу начинала жаловаться, а еще любила погрузить и пореветь по поводу и без. Цзя Ли вздохнул, чувствуя какую-то тяжесть. Ему было немного стыдно перед учительницей Син.

– Ты должен помочь сестре. Таланты у нее есть, она просто самородок. Если отточит мастерство, из нее выйдет толк. Таких одаренных девочек немного, если приложить больше усилий...

Цзя Ли еще долго беседовал с учительницей Син, обсуждая сильные и слабые стороны сестры, и почувствовал себя старшим, родителем. Вдалеке на спортивной площадке его ждал Лу Чжишэн – он сидел повесив нос, что веселило Цзя Ли.

Всю большую перемену Цзя Ли строил планы, как будет помогать сестре тренироваться. Душа девочки – сплошные потемки. Цзя Мэй обычно рассеяна и небрежна, некоторые сложные слова читает неправильно, а когда делает уроки, может вдруг выдать какую-нибудь подноготную ансамбля, например кто кого презирает, кто не прочь подластиться к учителю. Ему часто приходилось читать сестре наставления, потому что вся эта девчачья болтовня была нудной и неинтересной.

Но теперь все изменилось: перед Цзя Мэй открывались блестящие перспективы. Возможно, она станет великой балериной. Слово «талант», которое обронила учительница Син, смутно волновало Цзя Ли. Брат гения – это звучит неплохо!

Днем, когда закончились занятия, Цзя Ли, отделавшись от Лу Чжишэна, сбегал в аптеку, примчался домой и стал ждать. Когда его сестра толкнула дверь, он поспешил ей навстречу с криком:

– Скорее! Время не ждет!

Та, выпучив глаза от изумления, рассмеялась:

– Ты чего? С ума сошел, что ли?

У Цзя Ли на шее висел свисток, лицо вспотело от напряжения, на стол он взвалил кирпичи, испачкав руки красной крошкой

– Запомни, – сказал он сурово, – я строгий инструктор!

Тут он пересказал ей слова учительницы Син, конечно, приукрасив случившееся и возвышая самого себя.

Цзя Мэй сразу же смягчилась. Она прекрасно знала, как проявляет себя в ансамбле, к тому же была чуть ниже по статусу, поскольку была младшей сестрой. Насупившись, она проворчала:

– Чего это учительница Син на меня жалуется?

– Тренируем подъем ног! – велел инструктор. – Я свистну – ты начинай!

Цзя Мэй и правда была необыкновенной: едва она вытянула ногу, как сразу опустила ее на стол и держала так хорошо, словно закрепила там.

– Ногу держи ровнее, под прямым углом! – Цзя Ли без колебаний подложил под ее ногу еще два кирпича. – Они должны быть перпендикулярны друг другу, запомни, это очень важно! Так связки будут более гибкими!

Потом он подложил еще два кирпича. Цзя Мэй пошатнулась, слегка согнув обе ноги.

– Стой прямо! Прямо! – Цзя Ли изо всех сил дул в свисток, делая сестре замечания. – Иначе я добавлю еще кирпичей!

Цзя Мэй, скривившись, заныла:

– Не хочу больше тренироваться, у меня ноги болят!

Пустяки! Цзя Ли немедленно вытащил целую кипу лекарств:

– Это обезболивающие, они дешевые и эффективные, прими одну таблетку, и болеть не будет; намажь ногу терпентином, и связки станут еще более гибкими.

Будущая балерина покачала головой. Она больше всего боялась глотать таблетки, как будто у нее было узенькое горлышко. Если же принять лекарство было необходимо, она брала таблетку пальчиками, отправляла ее в рот, выпивала несколько стаканов воды, но таблетку так и не получалось проглотить или она вставала в горле комом. Словом, лекарства были для Цзя Мэй сущим ужасом, самым страшным мучением.

– Нет! Нет! – глаза Цзя Мэй покраснели. – Не хочу быть великой балериной! Если ты еще кирпичей положишь, у меня нога сломается. А я не хочу стать инвалидом!

– Ну потерпи немного! Хочешь, чтобы я тебя умолял? Хорошо, поддержи еще. Одна секунда, две, три...

– Нет, больше ни секунды держать не буду.

– Подумай о мадам Кюри, о миссис Тэтчер. У нас в семье тоже скоро будет великая женщина! Запомни: тебе нужна сила воли.

У Цзя Мэй дрожали ноги. Ей уже было так не по себе, что она и плакать забыла, только бормотала под нос:

– Ну нет, ноги ужасно болят! Я и двинуться не могу, они меня не слушаются.

– Прекрасно! Восемнадцать секунд, девятнадцать секунд, скоро к мировому рекорду!

В эту самую минуту в дверь позвонили. Цзя Мэй горько закричала, словно дождалась своего спасителя. Вошла соседка – мамочка из семьи У¹, которая приходила готовить. Она любила делать много шума из ничего, поэтому, увидев, что в доме все вверх дном, а брат с сестрой просто промокли от пота, тут же завопила:

¹ Пожилая соседка семьи, ее дети выросли, и она помогает семье героя с домашними делами за плату. – Прим. перев

– Бардак-то какой! Что это вы тут устроили?

Так, под плач и всхлипы Цзя Мэй, закончилась первая тренировка. Но программа обучения на этом не иссякла и под неусыпным надзором строгого инструктора продолжалась. Несколько тренировок спустя Цзя Мэй уже могла поднимать ноги очень высоко, а еще нагибаться вперед и доставать головой до пальцев ног. Если она похвастается этим мастерством в ансамбле, все спесивые девчонки уж точно будут тише воды ниже травы!

Цзя Ли очень гордился собой, как будто сам умел исполнять эти ловкие трюки.

Не успел он и глазом моргнуть, как уже близился день рождения школы, на котором художественный ансамбль должен был показать танцевальный спектакль. Сценарий к нему написал классный руководитель Цзя Ли – этот учитель больше ни на что не был способен, кроме как строчить всякие тексты. Говорили, что в этом году школа отмечает 40-летний юбилей, а это круглая дата, поэтому посмотреть представление придут и те ученики, которые уже давно состарились и забыли о своих школьных годах.

– Девочки сказали, что один из этих старых учеников – директор школы танцев, – заявила Цзя Мэй.

Директор! Уж точно какой-нибудь лысый старик! Цзя Ли не придавал этому никакого значения.

– А еще придет режиссер с телеканала, – Цзя Мэй была прекрасно обо всем осведомлена и взволнованно жестикулировала обеими руками.

– Нет ничего плохого в том, что на тебя больше людей посмотрит. Не паникуй.

Цзя Мэй загадочно улыбнулась и заявила с тонкой женской расчетливостью:

– Учительница Син говорила, что они собираются подобрать юных артистов для своих школ.

– Э, так это отличная возможность блеснуть! Обязательно покажи им, на что способна! – на словах старшего наставлял ее Цзя Ли. – Такой шанс редко выпадает, понимаешь?

– Понимаю, – задумчиво сказала сестра.

И правда, в ансамбле собрались самые ловкие и талантливые девушки. Даже глупый человек, попав в их круг, мог проникнуться их духом. Перед праздником Цзя Мэй принялась усердно тренироваться

с удвоенной силой, утром и вечером. Она засунула под кровать все старые нитки и бамбуковые иглы, которые выпросила у мамочки из семьи У

Мамочка У страшно возмутилась. Она давно пыталась увлечь Цзя Мэй вязанием, а тут ее освободили от обязанностей учителя, поэтому она неизменно делала Цзя Мэй внушения:

– Так высоко ноги поднимаешь, как же это некрасиво! Невоспитанная девчонка!

Вскоре был напечатан сценарий. В нем девочка с друзьями весело проводит время в воскресенье, а ее матушка, которая работает на текстильной фабрике, сидит дома, моет посуду, готовит и штопает носки.

– Ты играешь главную роль? – спросил Цзя Ли у сестры.

Цзя Мэй расстроено покачала головой:

– Главную роль играет Линь Сяомэй.

Цзя Ли знал ее, это была модная девчонка. Она носила джинсовые сарафаны, отлично пела и танцевала. Распевая популярные песни, она перекладывала микрофон из руки в руку, как будто мяла рисовый шарик. Она уж точно идеально подходила на роль себялюбивой девочки.

– Ну сыграть одноклассницу главной героини тоже неплохо, – утешал Цзя Ли сестру.

– Да эти роли все распределили, девочки уже выбирают новые наряды для сцены! —Цзя Мэй выглядела совсем несчастной.

– Ты вообще играть не будешь?

– Буду, учительница Син заставила меня играть эту маму.

Ох ты ж, сестре придется играть старушку с седыми волосами и в ветхой одежде! Она будет всего лишь задним планом: ее посадят в темном уголке сцены и заставят делать вид, что она штопает старый носок! Как же это скучно, аж до тошноты! Никто даже глазком не посмотрит на сестру, а девчонки слабее, чем она, будут резвиться по сцене в красивых нарядах.

Видя, как сестра добросовестно репетирует, пытаясь изобразить движение иглы, Цзя Ли весь клокотал от ярости. Он решил непременно протянуть сестре руку помощи. Первым делом он отыскал учительницу Син, но не успел и рта раскрыть, как она со смехом спросила:

– Рад за сестру? В ансамбле 20 человек, но только пять из них будут играть на сцене.

– О-о, – Цзя Ли мог лишь улыбнуться ее словам. Он не знал, как сменить тему, а говорить невольно было неловко, поэтому он промолчал.

Учительница Син дружелюбно похлопала его по плечу, и он понял, что исправить ничего не сможет, но продолжал наивно улыбаться как полный дурак, пока та не ушла.

Цзя Ли набрался смелости, отправился к классному руководителю и спросил у него, нельзя ли поменять кое-что в сценарии.

– Зачем менять? Конкретнее скажи, – удивленно попросил классный руководитель учитель Чжа.

– Надо, чтобы мама участвовала в общем танце, иначе она покажется слишком несчастной, тряпкой какой-то!

– Но у нее глубокая сюжетная линия, только она заставляет задуматься, – слова учителя Чжа сбили Цзя Ли с толку.

Он растерялся и поэтому не выдал своих эгоистичных желаний. Иногда, если разговоры ни к чему не приводят, лучше вообще ничего не говорить. Но он всей душой переживал за сестру. Она так усердно тренировалась, и вот у нее нет возможности показать свои успехи, лишь приходится смотреть, как возможность становится все призрачней.

Вечером перед школьным праздником Цзя Ли наконец придумал, как спасти положение, и сказал сестре:

– У меня есть идея.

Сестра, позаимствовав у мамочки У иглу и наперсток, примерно сидела, скрестив ноги, и тренировалась штопать носок. А ведь она всегда говорила, что никогда не будет мамой, что ей хочется быть девочкой-бездельницей. Ну что за шутки, как она могла так поступить своими принципами!

– Я хочу, чтобы ты прославилась. Ну или хотя бы показала им свою истинную силу!

У Цзя Мэй тут же засверкали глаза. «Отлично, это-то мне и нужно», – подумал Цзя Ли.

Он придумал для сестры несколько движений, которые она продемонстрировала бы, ворвавшись в общий танец с одноклассниками.

– Мы их покажем для того, чтобы наши ловкие трюки не пропали зря. Запоминай: ноги надо развести не меньше чем на 180 градусов, чтобы вытянуть их в прямую линию или вроде того.

Сестра широко распахнула глаза и спросила:

– Это можно? Учительница Син не согласится.

– Это называется творчеством, поняла? – сказал Цзя Ли. – Только посредственность соблюдает все правила.

– Ну хорошо, – Цзя Мэй очень доверяла своему инструктору. – Но я не знаю, когда мне вставать и исполнять все это.

– Положись на меня, – Цзя Ли ударил себя в грудь, как самый настоящий инструктор. – Когда придет время, я махну тебе из зала шапкой. Вот тогда и начинай.

Об этом слышала только мамочка из семьи У но поскольку в ту минуту она размышляла совсем о другом, разговор Цзя Ли и Цзя Мэй остался без ее внимания. Мамочка из семьи У думала, что надо бы посмотреть выступление Цзя Мэй, и переживала, что нет приличной одежды для такого случая. Но кому какое было дело, придет она в сером платье или в бежевом?

Только перед самым выступлением Цзя Ли понял, что просчитался. В первом ряду для почетных гостей сидели знаменитые бывшие ученики, один из которых, режиссер Цай, громко провозглашал:

– Я изучил сценарий, самая сложная там роль матери. Движения у нее не размашистые, а вот чувства она передает сложные.

Учительница Син тут же сказала:

– На репетициях эта девочка играла просто замечательно. Она очень тонко чувствует персонажа.

С этими словами она бросила взгляд на Цзя Ли и тепло ему улыбнулась.

– Хорошо, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – сказал режиссер Цай.

Сердце Цзя Ли гулко застучало. Он сидел как раз в следующем ряду после и слышал разговор до последнего слова. Согнувшись в три погибели, он уже собирался выскользнуть из зала за кулисы и рассказать об услышанном сестре, как потух свет, неспешно распахнулся занавес, на сцене захлопотала мама в одежде не то серого, не то белого цвета, то подметая комнату, то стирая белье.

Цзя Ли понял, что поздно что-либо исправлять, поэтому уселся и крепко сжал в руках шапку, подумав, что если не будет махать ею, сестра обязательно будет смиренно играть матушку.

В темноте Лу Чжишэн, сидевший рядом, твердил ему на ухо:

– Твоя сестра – просто молодец, как похоже играет!

Цзя Ли и сам заметил, что сестра держится непринужденно и естественно, а еще увидел, как режиссер Цай снова и снова кивает головой. Он радовался, что отказался от затеи с тайным сигналом из зала, иначе все представление было бы испорчено.

Во время последней сцены Цзя Ли понял, что сестра волнуется и не может усидеть на месте. Она сидела, скрестив ноги, и штопала носки, но то и дело бросала беспокойные взгляды в сторону брата. Режиссер Цай прошептал:

– И правда, необыкновенно, она передает внутренний конфликт и боль персонажа с таким чувством глубины.

Сердце Цзя Ли чуть из груди не выпрыгнуло. Он боялся, что сестра что-нибудь сама учудит, и все прежние ее успехи пойдут прахом. Откуда же было знать об этом его смятении Лу Чжишэну! Тот думал, что Цзя Мэй просто хочет выразить ему дружеские чувства, поэтому безостановочно болтал:

– Она снова на нас посмотрела, надо как-то показать наше восхищение, дать ей какой-то знак!

И в это время Цзя Ли совершил принципиальную ошибку. Его не радовало, что Лу Чжишэн болтает лишнее, поэтому он хлестнул друга подвернувшейся под руку шапкой, давая понять, что надо меньше болтать. Но тот все истолковал совершенно наоборот – разом выхватил у Цзя Ли шапку и изо всех сил подбросил ее вверх. Тут Цзя Ли показалось, что у него в голове что-то взрывается.

Случилась беда. Мама, которая, скрестив ноги, штопала носки, получила сигнал и, ни на что не обращая внимания, рванулась в центр сцены, выбрасывая ноги вперед. Возможно, они затекли из-за слишком долгого сидения или свело мышцы, но она столкнулась с порхающей по сцене Линь Сяомэй. Обе упали, зацепив стоявший рядом микрофон, и тот с грохотом опрокинулся...

На сцене и в зале воцарился хаос. Цзя Ли увидел, как режиссер Цай качает головой со словами:

– Да что это за игра такая, как она могла так своевольно вскочить?

Учительница Син залилась краской и, казалось, вот-вот расплачется.

Именно из-за нее Цзя Ли ужасно захотелось с силой поколотить себя. Добрая учительница Син не должна так страдать! Все вокруг так смешалось, что уже ничего нельзя было различить.

Было совсем поздно, когда Цзя Ли решил вернуться домой. Лу Чжишэн заварил всю кашу, поэтому пришлось ему до самого конца сопровождать Цзя Ли. Тот спросил Лу Чжишэна:

– Как думаешь, сколько времени сестра будет на меня злиться?

Лу Чжишэн был рад немного позлорадствовать:

– Минимум три месяца, максимум шесть.

Цзя Ли тяжело вздохнул. Ему было жаль и сестру, и самого себя – из него не получился инструктор гения, но особенно обидно было, что он может стать посмешищем, если сестра выдаст их секрет учительнице Син. Тогда ему будет совестно показаться ей на глаза.

– Э, вы же близнецы, должны хорошо друг друга чувствовать, – схитрил Лу Чжишэн.

– Да ну тебя! – Цзя Ли раздраженно пихнул его кулаком в грудь. Кто его просил неприятности устраивать!

Как бы там ни было, Цзя Ли вернулся домой только тогда, когда уже с ног от голода валился. На цыпочках, как балерина, он прокрался в комнату. Сестра уже достаточно наплакалась, ее глаза покраснели и набухли. Потирая их, она сказала Цзя Ли всего несколько слов, но от них у него зашипало в носу:

– Я не буду тебя игнорировать и никому не расскажу о нашем секрете. Ты хотел как лучше. Я все понимаю.

Эти слова Цзя Ли запомнил на всю жизнь. Сестра знала толк в справедливости и верности – прямо как женщина-рыцарь. Все-таки она была его близнецом, и понимала его как никто другой. Обо всем этом он только подумал, но ничего не сказал.

Глава 2. Три мушкетера

«Мы не такие, как девочки. Когда они хотят подружиться, угощают друг друга какими-то вкусняшками, черносливом всяким. И с подружками им надо быть осторожными, а то ведь можно из-за одной фразы рассориться. Ну а мы... Мы друг друга и колотим, и подножки ставим, и швыряемся, но все это – выражение дружбы, а без этого совсем неинтересно. Да и кто будет так осторожничать, как девочки? А еще из десяти мальчишек девять уж точно любят что-нибудь вытворять, особенно я с Лу Чжишэном. В этом-то мы родственные души!»

(Из дневника Цзя Ли)

В классном комитете Чэнь Инда, Лу Чжишэн и Цзя Ли держались маленьким сплоченным коллективом. Остальные три члена классного комитета, а это были девчонки, относились друг к другу недружелюбно, корчили рожи и часто обменивались обидными фразочками. Мальчишки никогда не вставали ни на чью сторону, ведь как можно разобраться в темных девчачьих делах?

По словам Лу Чжишэна, из трех лучших учеников в их классе самым выдающимся был Чэнь Инда, славившийся ярким умом. У него было множество увлечений, огромная коллекция книг по электронике, а еще он собирал фотографии различных моделей боевых танков. Какое-то время он подолгу торчал дома, погрузившись в книги, и говорил, что хочет построить танк «Жук». Немало повозившись, он действительно соорудил модель танка на батарейках, которая могла двигаться сама по себе.

Но Цзя Ли не осыпал его восторгами. Чэнь Инда был худеньким и бледным, носил очки и выглядел как настоящий ботаник. Смелостью он вообще не отличался, до мурашек боялся, когда кто-то делал уколы. Возможно, он и мог проектировать танки, но уж точно

не стал бы ими управлять и бросаться в атаку на врагов. Попади Чэнь Инда в армию, было бы удивительно, если бы он там не упал в обморок!

Лу Чжишэн, не находя понимания, сердился и обвинял Цзя Ли, что тот не разбирается в людях. Целыми днями он нахваливал Чэнь Инда:

– Ты только посмотри, какая у него сумка классная, как у настоящего ученого!

– Да ну, – говорил Цзя Ли, – был такой великий китайский математик Чэнь Цзинжунь, вот он очень просто одевался.

– Чэнь Инда прекрасно смотрится, по нему видно, какой он замечательный.

– Если он хорошо смотрится, это еще не значит, что сам он так уж хорош, – возразил Цзя Ли.

Лу Чжишэн закатил глаза и умолк.

На другой день Цзя Ли обнаружил в своем портфеле записку, в которой кто-то без всякой причины написал ругательства: «Ах ты слепая собака!» И стояла подпись: «Великий сыщик». Цзя Ли повертел записку и подбросил ее на парту самой придирчивой девчонки класса – Хун Чан. Та тут же завопила и зарыдала, и из этого пустячка вырос целый конфликт. Скандал дошел до самого завуча. Наконец «великого сыщика» опознали по почерку, и этому толстячку пришлось выслушать выговор в кабинете.

Когда он вышел из него, тут же набросился на Цзя Ли с криком:

– Ах ты, еще друг, называется!

Цзя Ли невозмутимо ответил:

– Сегодня день дурака! – и опустил несчастному Лу Чжишэну руку на плечо.

С тех пор Лу Чжишэн восхищался не одним Чэнь Инда, но и признал превосходство Цзя Ли. У него было мало положительных качеств, но в одном он отличался от многих – прекрасно осознавал, кто он такой.

Втроем они прожили душа в душу целое полугодие, и им дали прозвище «три мушкетера». Кто-то говорил, двое друзей могут долгое время оставаться в хороших отношениях, а вот троим приходится переживать подъемы и спады, потому что человеческие чувства непостоянны, и какое-то из них так или иначе может перевесить другое. Никто не проверял это утверждение с научной точки зрения, но в дружбе этих троих вдруг назрел кризис. Возник он, конечно, по принципиальной причине, а не из-за мелочи, как это бывает с конфликтами между девчонками.

Случилось это вскоре после школьного юбилея. Намечался интеллектуальный конкурс, и каждый класс представлял один участник. В классном комитете решили выбрать Чэнь Инда, потому что он эрудит и уж точно получит награду.

– Нет-нет, я не гожусь, – отказывался Чэнь Инда. – У меня времени нет на подготовку.

– Конкурс через два дня, – убеждал его Лу Чжишэн. – Завтра вечером считаешь материалы, а послезавтра выйдешь на сцену – вот и все.

– Целых два afternoon¹? Да я ведь столько слов новых успею выучить! – Чэнь Инда поправил очки и пожал плечами. – В изучении английского нужна последовательность.

Чэнь Инда ходил на дополнительные занятия по английскому языку. Когда его устная речь стала беглой, он начал невзначай вкраплять английские словечки в китайский язык и даже жестикулировал как-то по-западному. Говорили, его отец надеется, что по окончании средней школы Чэнь Инда сдаст TOEFL² и переедет к своей тете в Америку. Чэнь Инда был на удивление послушным сыночком, поэтому зарылся с головой в изучение иностранных языков, стал настоящим книжным червем, забыв даже о своих друзьях-мушкетерах.

– Эй-эй! – раздраженно сказал Цзя Ли. – Должно же быть у тебя хоть какое-то чувство долга. Поработай-ка на благо класса!

Лу Чжишэн вторил:

– Как только ты там появишься, у всех остальных ни единого шанса на победу не останется.

К сожалению, Чэнь Инда отличался от других и двумя фразами сбить его с толку не удалось. Он вежливо выслушал все доводы и наконец ответил одним только словом: *No*.

Красноречие Лу Чжишэна и Цзя Ли разбилось об этот безжалостный отказ и обернулось пустой болтовней. Лу Чжишэн расстроился и принялся по-стариковски ворчать и ругаться:

– Какой уж из него друг! Собака очкастая! Пихнул бы его под зад, пусть катится в Америку и жует там сухари!

Цзя Ли сказал:

– Нужно научить его новому слову.

– Куда уж там, он три тысячи с лишним слов знает! – Лу Чжишэн очень злился, как будто его снова оставили в дураках. – Этого достаточно, чтобы он сам мог учить кого угодно.

– Мы должны научить его говорить *Yes*!

– Э-э, чтобы он смирненько пошел от класса на конкурс? – спросил Лу Чжишэн. – Это и у боженьки не получится!

– Ну так я хочу стать боженькой.

Усевшись рядышком, они долго думали, как убедить Чэнь Инда, вывалили целую кучу глупых идей: например, написать его отцу письмо с угрозами, поговорить с ним, взять Чэнь

¹ Afternoon – время после полудня (англ.)

² Стандартизированный тест на знание английского языка, результаты которого могут использоваться для подтверждения уровня владения им абитуриентами из неанглоязычных стран при поступлении в вузы США, Европы и Азии. – Прим. ред.

Инда в заложники и отвести на конкурс. Словом, идеи возникали быстро и так же быстро и бесповоротно отбрасывались.

И тут мимо них прошел учитель иностранных языков Ци. Этот учитель знал толк в нарядах. Говорил он очень мало, голос у него был низкий. Среди учеников ходили слухи, будто он пьет три бутылки йогурта в день, не ест китайские блюда, а питается только хлебом с колбасой, и даже во сне говорит на иностранных языках. Никто не знал, есть ли у этих историй доказательства. Своим внушительным видом учитель и правда будто подавлял других. Лу Чжишэн и Цзя Ли умолкли и проводили его взглядами.

– Вот бы уговорить учителя Ци! Если бы нам удалось, я бы за свои деньги напоил его йогуртом, – Цзя Ли знал, что учитель преподавал еще и на дополнительных занятиях и как раз у него учится Чэнь Инда. Однако такие гордецы, как учитель Ци, уж точно не скажут Yes, даже если их об этом умолять. Наверняка он ответит No, и, возможно, категоричному тону Чэнь Инда как раз у этого Ци и научился.

– No, – подражая низкому голосу учителя Ци, сказал Цзя Ли.

– Ух ты, как похоже! – завопил Лу Чжишэн. – Помнишь, учитель Ци у нас урок заменял? Это точно его тон! Цзя Ли, горазд же ты его копировать! Уровень просто высочайший!

– Правда? Ты осмелишься это утверждать?

– Абсолютная правда!

– Ладно, – сказал Цзя Ли. – Сегодня вечером учитель Ци позвонит Чэнь Инда.

Лу Чжишэн задумался, а потом, согнувшись, захохотал, обхватил ноги руками, схватился за живот и сказал:

– Ты только меня не бросай, мы эту штуку вместе придумали.

Ну конечно, сейчас из трех мушкетеров остались только два, им нужно сплотиться и действовать заодно, разделяя радость и совместно справляясь с трудностями.

Вечером того дня два современных мушкетера – Цзя Ли и Лу Чжишэн – спрятались в комнате Цзя Ли и позвонили Чэнь Инда. Тот вовсе не был из тех, кого легко облапошить, поэтому потягаться с ним казалось очень захватывающим приключением.

Зазвонил телефон, и они услышали голос товарища:

– Алло, это семья Чэнь. Кого позвать к телефону?

Цзя Ли ничего не ответил. Он задержал дыхание и опустил трубку. Лу Чжишэн давно уже включил малюсенький магнитофон марки Aiwa и поднес к трубке наушники, откуда доносилась речь с прекрасным американским акцентом.

– Вы учитель Ци? – в голосе Чэнь Инда послышалось почтение.

Лу Чжишэн сдвинул наушники, чтобы речь в них звучала на фоне, и тут раздался низкий голос Цзя Ли:

– Ты не готовишься к интеллектуальному конкурсу?

– No, это слишком скучно.

– No, по, хоть в изучении English и нужна последовательность, но очень важно пользоваться языком и на практике.

– Вы имеете в виду, что на конкурсе будут задания по английскому языку?

– Yes, – раздался эталонный бас точно в стиле учителя Ци.

– Yes! – сказал Чэнь Инда. – Спасибо, учитель. Я понял.

– No, не стоит благодарности! – каждое слово учителя Ци всегда было на вес золота.

Цзя Ли повесил трубку. Долгое время у двух кудесников было ощущение, что они попали в какой-то сон. И именно в эту минуту сестра Цзя Ли толкнула дверь и сказала:

– Опять вы тут скрытничаете! Зачем дверь закрывать, когда по телефону звоните?

Тут они опомнились и захохотали. Смеялись они просто безобразно, как сказала Цзя Мэй, совсем как пираты. Но им это сравнение так понравилось, что они засмеялись еще пуще, Цзя Мэй даже выбежала из комнаты.

На другой день не произошло ничего необычного. Чэнь Инда торопливо подбежал к Цзя Ли и спросил:

- На конкурс уже кого-то выбрали?
- Нет, – Цзя Ли окинул его взглядом, – ты ведь туда не хочешь.
- Тогда... тогда я пойду!
- Лу Чжишэн непрестанно потирал свой нос, будто боялся, что у него вырвется смешок:
- Ты чего это передумал?
- Ну это. раз уж классу нужно.

Этот гений вдруг улыбнулся, да так естественно, что непонятно было, искренен он или лукавит.

- Спасибо! – холодно сказал Цзя Ли.

Он не стал ни о чем расспрашивать Чэнь Инда, потому что знал: тот ни в коем случае не выдаст учителя Ци. Такие люди, хоть их убивай, будут молчать – идеально подходят для подпольной работы. Цзя Ли спросил лишь одно:

- Ты не передумаешь опять?
- Сам понимаешь, слово джентльмена. – саркастически добавил Лу Чжишэн.
- Yes! – Чэнь Инда попал в хитроумно расставленные силки и в знак согласия хлопнул

рукой по ладони товарища.

Цзя Ли передал в ученический союз список участников. Он знал, что и впрямь сделался боженькой! Вот только Лу Чжишэн немного беспокоился и непрестанно повторял:

- А вдруг он на учителя Ци наткнется.

Но тревожился он попусту. Все прошло весьма удачно, Чэнь Инда щелкал задания на интеллектуальном конкурсе как орешки и заработал для класса золотую медаль. Девочки всего класса стали смотреть на него другими глазами, как будто во всем мире остался один выдающийся юноша – Чэнь Инда. Потом эта волна поклонения докатилась и до параллельного класса и захлестнула всех девчонок, даже Цзя Мэй твердила на все лады:

- Чэнь Инда великолепен!
- Да ни черта! – негодовал Цзя Ли. – По-настоящему великолепен я, неизвестный герой!
- Неизвестный герой? Такие только в фильмах есть!

Что толку говорить с девчонками! Цзя Ли не мог раскрыть произошедшего, но надеялся, что Чэнь Инда не станет на него злиться, ведь на интеллектуальном конкурсе не было никаких заданий по английскому, к тому же на неделе Чэнь Инда несколько раз встречался с учителем Ци. Наверняка он уже проведал всю подноготную.

Но Чэнь Инда хранил молчание, отчего Цзя Ли даже немного затосковал. Несколько раз он хотел проводить Чэнь Инда домой, но тот тактично отказался. Очевидно, дружба трех мушкетеров сошла на нет.

- Значит, нужно каждому идти своим путем! Цзя Ли махнул рукой.

Однако вскоре едва не потерпела крах и дружба между оставшимися двумя мушкетерами. Случилось это с Лу Чжишэном.

У него была первая группа крови. Он часто говорил, что вполне может стать героем. И правда, чувство долга ему было присуще, и этим стоило и похвастаться, но выставять себя напоказ парень тоже любил – например, он мог ехать на велосипеде раскачиваясь, как пьяница, с закрытыми глазами. На самом же деле он все прекрасно осознавал, просто притворялся раскованным и думал, что со стороны смотрится красиво.

- Самое страшное – он научился курить. Да не просто научился, а еще и пристрастился.

Цзя Ли узнал об этом первым, потому что однажды Лу Чжишэн вытащил из сумки пачку сигарет и протянул ему одну. Цзя Ли колебался, и Лу Чжишэн с важным видом заявил:

- Э, да чего мешкать-то? Все великие люди мира курили, Маркс там, Ленин, Бальзак.

Затем он зажег сигарету и с удовольствием затянулся, как будто одной ногой уже стоял в кругу великих людей.

– Где ты их купил? – Цзя Ли вертел в пальцах сигарету, не зная, как ею распорядиться.

– Купил? Да откуда же у меня столько денег! Пачку «Мальборо» продают аж за шесть юаней! Я всего пять-шесть пачек в месяц смогу себе позволить!

– Так ты их украл?

– Почти, я их у папы стащил! – с довольным видом сказал Лу Чжишэн. – Сигаретами и выпивкой надо делиться!

– Ты там осторожнее, он узнает и поколотит тебя!

– Да как он узнает! Ему столько сигарет дарят, что будет жаль не помочь ему их выкурить! – Лу Чжишэн самозабвенно курил, упиваясь своей необычностью. – Э, а ты чего не куришь?

У Цзя Ли стучало сердце. Он спрятал сигарету в портфеле и сказал:

– Я кашляю, потом покурю.

Никто и подумать не мог, что Лу Чжишэну будет сложно отвыкнуть от курения. Однажды на уроке классный руководитель воодушевленно писал мелом на доске отрывок из древнего стихотворения. Лу Чжишэн, увидев мел, вспомнил о «Мальборо» и вдруг ни с того ни с сего вытащил сигарету – обычно он курил в укромных уголках, всячески осторожничая. Никто не понял, что на него нашло!

Отца Лу Чжишэна вызвали в школу. Это был мужичок средних лет, смуглый и толстый, немного лысоватый, как две капли воды похожий на сына, вот только черты лица у него были крупнее, а кожа более дряблой. Когда он пришел, как раз была перемена. Встретив в коридоре Цзя Ли, он не забыл его поприветствовать кивком головы. Цзя Ли подумал, что у него особая связь с людьми подобной комплекции – они с первого взгляда внушают ему чувство родства. Манеры этого мужчины сразу понравились Цзя Ли, и он даже стал про себя называть его стариной Лу. Пройдет еще 20 лет, и Лу Чжишэн появится на улице в обличье точно такого же старины Лу.

Отец Лу Чжишэна работал начальником отдела снабжения и сбыта на одном заводе, был там в фаворе, и в карманах у него водились сигареты известных марок, которые разные люди дарили ему при встрече. Говорили, что у него уходило три пачки в день, а если соединить все сигареты, выкуренные им в течение жизни, получится линия длиннее экватора. Что ни говори, он был эдаким чемпионом по курению. Однако этот господин удивительным образом не желал, чтобы кто-то продолжил его дело, поэтому очень рассердился, узнав, что сын курит!

С тех пор как старина Лу наладил связи со школой, жизнь Лу Чжишэна стала непростой. Отец пронумеровал дома все пачки, и юному Лу стало сложно баловаться сигареткой, приходилось подбирать окурки, ничем не отличаясь от бродяги. Но и тут старина Лу не сдавался. Часто он рылся в карманах сына и впадал в ярость, если находил там табак.

– Я как преступник, – с обидой говорил Лу Чжишэн. – За мной всюду следят.

– Ну так брось курить и все! – посоветовал Цзя Ли.

– Ты думаешь, я не хочу бросить? У меня это наследственная болезнь. Я сто раз пытался бросить, и все неудачно.

– А купить никотиновых конфет?

– Я часто одновременно жую конфету и курю, – сказал Лу Чжишэн. – Так еще больше подсаживаешься.

Когда Цзя Ли ломал голову, как бы помочь своему несчастному товарищу, в школу снова пришел старина Лу. На сей раз он не пошел к директору, а пробрался в класс и подозвал Цзя Ли. Старина Лу был очень вежлив, он вывел Цзя Ли из школы и пригласил его в изысканно обставленную кофейню. Свет там был приглушенным, как будто кто-то экономил электричество. Старина Лу и Цзя Ли сели друг напротив друга, и мужчина любезно заказал две чашки

горького кофе. Чтобы продемонстрировать, как он рад знакомству, Цзя Ли залпом выпил свою чашку.

– Отлично, приободримся! – сказал старина Лу. – Ты хороший друг.

Цзя Ли почувствовал легкость в плечах, как будто его статус стал выше и значимее.

– Слышал, у тебя куча интересных идей. Лу Чжишэн тебя слушается.

– О, об этом и говорить нечего, он мой помощник! – Цзя Ли и не думал скромничать.

– Вот и хорошо! Похоже, только ты сумеешь помочь ему бросить курить.

– Ну...

– Что бы ты ни придумал, все сгодится, лишь бы он стал равнодушным к сигаретам!

Вот так да! Цзя Ли с трудом сидел на месте – в мире мало делается таких хороших дел! Большая удача, что ему выпало совершить подобное. Тут только дурак сможет остаться равнодушным!

В глазах Лу Чжишэна Цзя Ли вдруг стал загадочной фигурой. С сосредоточенным видом он читал маленькую записку, так близко поднеся ее к глазам, будто хотел проглотить.

– Эй, что это такое?

– Ничего! Я не хочу втягивать тебя в неприятности! – бормотал Цзя Ли, пряча записку.

Это повторялось несколько раз. На третий день Лу Чжишэн не стерпел, торопливо побежал к Цзя Ли и выхватил у него записку. Прочитав ее, он вздрогнул от испуга. В записке было написано: «Хочешь испытать кое-что необычное? Хочешь получить неожиданный подарок? Приходи за ответом к стене напротив седьмого класса».

– Ты ходил?

– Тс-с-с, тише, – Цзя Ли махнул рукой. – Разве можно о таком распространяться?

– Это кто написал? – спросил Лу Чжишэн. – Почерк красивый.

– Это анонимное письмо, откуда же я знаю! Пробовать в любом случае не берусь. А вдруг это ловушка?

– Можно хотя бы сходить на разведку, – Лу Чжишэну не терпелось узнать, в чем дело.

– Да ладно, вряд ли там что-то интересное, я не пойду. Я вообще понять не могу, кому понадобилось так обо мне заботиться! У меня, кроме тебя, друзей нет, врагов вроде бы тоже. Можешь предположить, кто это написал?

Во время обеденного отдыха Лу Чжишэн взялся за дело. Он пробрался к кабинету номер семь, а это был самый захолустный уголок школы, куда иногда месяцами никто не приходил. Лу Чжишэн поглядел по сторонам и увидел, что на стене кривым почерком написано: «Пройди 30 шагов на восток». Он прошел. Над кучей разного хлама опять была надпись: «В корзине лежит сигарета. Выкури ее, возвращаясь, и сбудется все, что пожелаешь». Лу Чжишэн, улыбаясь, с любопытством отпихнул корзину для бумаги. И правда, оттуда выкатились сигарета и спичечный коробок. Это была его любимая «Мальборо». Лу Чжишэн очень обрадовался. Видя, что вокруг никого нет, он присел на корточки, взял сигарету в зубы и зажег ее.

Вдруг из угла донесся пугающий вой. Он звучал целую минуту, как будто кого-то убивали! На вой поспешили люди. Они увидели, что мальчик держит сигарету, которая искрит, как фейерверк. Лу Чжишэн в отчаянии опустил голову. Он напоминал неуклюжую птицу, которой подрезали крылья.

Когда из-за груды хлама вылез Цзя Ли, Лу Чжишэн поглядел на него с улыбкой, еще более безобразной, чем плач.

Очень скоро преступление было раскрыто. У него было два последствия: во-первых, на руке Лу Чжишэна вскочили два кровавых волдыря, потому что в сигарету была вставлена петарда с детонирующим шнуром; во-вторых, ко всеобщему удовольствию, Лу Чжишэн перестал курить, потому что теперь его пугал сам вид сигарет, и он боялся, что они взорвутся.

После этого старина Лу еще раз тайно встретился с Цзя Ли. На сей раз он не стал ни тратиться, ни любезничать. От него веяло холодом.

– Чжишэн понес слишком большой ущерб, – начал он, а затем поинтересовался у Цзя Ли, куда он собирается поехать путешествовать.

– Уж избавьте! – великодушно сказал Цзя Ли, понимая, что поездка будет невеселой. Если Лу Чжишэн узнает об этой сделке, не исключено, что станет враждовать с Цзя Ли.

Старина Лу, похоже, ожидал этих слов. Сказав: «До встречи!», он ушел. Все-таки он умел держать слово, а еще теперь ему не нужно было каждый день нумеровать сигареты и рыться в карманах сына. Пройдет еще год и, возможно, сигареты, которые он выкурит, смогут, сложившись вместе, полностью обогнуть Землю!

Со смешанными чувствами глядел Цзя Ли вслед удаляющемуся старине Лу и говорил себе под нос:

– До встречи? Надеюсь, больше я не удостоюсь чести встречаться с вами!

Глава 3. Клоун

«В этом мире страдают одни мальчики. Тем, кто не был мальчиками, этого не понять!»

(Из дневника Цзя Ли)

В классе у Цзя Ли была не очень хорошая репутация: девочки говорили, что он мастер устраивать всякие проделки и вообще персонаж наподобие современного Сюй Вэя – эксцентричного древнекитайского художника, которого называют китайским Ван Гогом. Если в классе случалось что-то из ряда вон выходящее, например появлялась какая-нибудь карикатура на доске, девчонки, не сговариваясь, в один голос спрашивали:

– Не Цзя Ли ли это устроил?

Цзя Ли из-за этого немного унывал. Однажды он перед всеми заявил:

– Эй, прошу внимания! Не надо меня переоценивать, я тоже могу сдерживаться. Больше не связывайте все эти делишки со мной!

Девочки захихикали. Если с ними говорить без шуток, они ничего всерьез не воспринимают, особенно Хун Чан, которая ехидно сказала:

– Вот уж не надо нам зубы заговаривать, все с тобой белыми нитками шито!

Когда у девчонок появился лидер, они стали зазнаваться еще больше. Проругавшись с ними полдня, Цзя Ли подумал, что его принимают за клоуна, оскорбляют, и был возмущен.

Хун Чан была высокой круглолицей и немного пухленькой девочкой, но в целом очень красивой. Каждый раз, когда речь заходила о Цзя Ли, она вмешивалась в разговор и говорила всякие неприятные для него вещи. Видя ее недружелюбный настрой, Цзя Ли думал с ней рассориться, но в конце концов сдержался. Когда ему нечем было заняться, он придумывал Хун Чан прозвища. Сначала он назвал ее жирнушкой, а потом снизошел до более достойного прозвища – Кармен.

– Кармен? – спросил Лу Чжишэн. – Похоже на иностранное имя, красиво звучит!

– Есть такая опера «Кармен», но в моем случае это означает «такая толстая, что может свой жир вместо карманов использовать»! – зло объяснил Цзя Ли.

Кто бы мог подумать, что Лу Чжишэн быстро разболтает всем об этих прозвищах. Хун Чан как будто помоями окатили. Она горько заплакала. Жалкий вид вытирающей слезы девочки немного удивил Цзя Ли. Стоит ли так реветь из-за двух прозвищ? Ему самому дали несколько прозвищ: «заграничный мажор», «соевое молоко», «чокнутая жаба», но он никогда не принимал их близко к сердцу.

Девочки очень уважали Хун Чан. Оскорбив ее, Цзя Ли навлек на себя негодование всех, особенно слегка полненьких, как будто эти два прозвища относились и к ним тоже. Из-за этого они затаили на Цзя Ли обиду и, получив от Лу Чжишэна достоверные сведения, решили объединиться и во время следующих выборов в комитет класса отсеять Цзя Ли.

Это было в высшей степени несправедливо, ведь на самом деле это Хун Чан его обидела, а он просто ответил тем же. Они теперь квиты и должны союзничать! Слишком уж эта Хун Чан жестока, и все девчонки не лучше. Ни о какой логике тут и речи не может быть.

Еще больше Цзя Ли выводило из равновесия отношение к случившемуся классного руководителя. Учитель Чжа был с севера Китая, одевался невзрачно и по-стариковски – в наше время носил френч, какой надевали еще деды-революционеры. Он любил рассказывать, как поступал на факультет драмы театрального института и даже о том, что чувствовал, когда провалился на экзаменах. По мнению Цзя Ли, учитель Чжа стал уже таким старым, что забыл

о самоуважении. Если бы он был на месте учителя, ни за что не говорил бы другим о своих неудачах!

Учитель Чжа был близким другом отца Цзя Ли и по крайней мере раз в неделю приходил к ним в гости. Но стоило ему переступить порог школы, как все личные связи он оставлял позади. Узнав о двух прозвищах Хун Чан, он сделал Цзя Ли строгий выговор.

– Ты и правда ведешь себя как клоун! – заявил он.

Таких издевательств Цзя Ли просто не мог вынести. Не стоило учителю Чжа с таким пристрастием защищать Хун Чан! Говорят, учителя-мужчины выгораживают учениц. Похоже, это чистая правда, вот вам и доказательство!

Через две недели случился еще один конфуз.

В тот день Цзя Ли поехал в школу на старом папином велосипеде. На стоянке он увидел чей-то новенький велосипед, который лежал на земле. Видимо, его опрокинул какой-то негодяй. Цзя Ли привязал к стойке свой и хотел нагнуться, чтобы поднять другой, как вдруг он показался ему знакомым.

Цзя Ли вспомнил, что это новый велосипед Хун Чан. Он застыл над ним в нерешительности, гадая, стоит ли поднять или притвориться, что ничего не заметил.

И в эту минуту появилась Хун Чан. Она тут же увидела свой опрокинутый велосипед и Цзя Ли, державшего его за руль. Мальчик поспешно отпустил его, но подумал, что поступил неправильно, и снова взялся поднимать велосипед.

– Эй, честное слово, это не я его уронил!

– Оставь! – холодно сказала Хун Чан.

Цзя Ли страшно захотелось сжать руку в кулак и хорошенько ей врезать. Какие же девочки заносчивые! Конечно, случившееся снова дошло до учителя Чжа, и тот впал в ярость, обругав Цзя Ли неисправимым мальчишкой! И еще сказал много такого, что Цзя Ли никак не мог принять, например: «Какой этот мальчишка узколобий, никаких стремлений у него нет!» Да разве можно такими выражениями разбрасываться?

Быть мальчишкой в этом классе просто невыносимо. Цзя Ли потребовал, чтобы его перевели в другой класс, но учитель Чжа ответил ему отказом:

– Когда справишься, тогда я тебя и отпущу.

Тут-то недовольство Цзя Ли учителем Чжа и раздулось до огромных размеров.

У учителя Чжа и впрямь имелось слабое место. Он был рассеянным. Когда Цзя Ли только поступил в среднюю школу, он слышал рассказы старшеклассников, критиковавших учителя Чжа: мол, однажды вечером он пришел в класс запирать двери, но увидел, что там все еще сидит какой-то школьник. Учитель открыл дверь и попросил его не задерживаться допоздна, потом запер дверь на ключ и ушел, а бедному школьнику пришлось выбираться из класса через окно. Конечно, все это были никем не доказанные слухи, но иногда учитель Чжа и правда творил неподобающие вещи. Например, перед уроком он мог вместо «Здравствуйте, ребята!» сказать «Увидимся!» Все начинали смеяться, а он, несколько не смущаясь, парировал:

– А разве мы не увиделись с вами снова?

Если не брать этого в расчет, можно сказать, что учитель Чжа был безупречен. Он писал толстые учебные планы, которые носил с собой в кожаных папках и наверняка досконально их знал. На уроке он иногда подглядывал в учебный план, материал преподавал систематизировано и понятно. Почерк у него тоже был красивым, достойным восхищения, а еще он говорил на правильном китайском языке с идеальным северным акцентом³.

На уроках родного языка он любил задавать вопросы. Раньше Цзя Ли был лучшим учеником на уроках китайского и литературы, но ему не нравился этот учитель, и неприязнь пере-

³ Он считается наиболее правильным вариантом китайского произношения. Есть еще «неправильные» южные акценты, где многие звуки северного диалекта произносятся иначе.

неслась и на его уроки. Звучит это, конечно, странно, но все обстояло именно так. Поэтому когда в последнее время учитель Чжа спрашивал Цзя Ли, ответы получал всегда не по существу.

– Я предупреждаю тебя: не делай глупостей! – учитель Чжа был человеком эмоциональным.

«Я вас тоже предупреждаю!» – подумал Цзя Ли, но вслух сказать не решился.

В последние дни учитель Чжа почти каждый день в обеденный перерыв прибегал к дому Цзя Ли. Но приходил он вовсе не к своему ученику, а к хозяину дома. Отец Цзя Ли был детским писателем. Писать для него было все равно, что принимать пищу – ни дня без этого не обходилось. Учитель Чжа написал новый сценарий и приходил к отцу спросить совета. Когда встречаются два литератора, болтать они могут часами напролет. Разговаривали они до тех пор, пока учитель Чжа не вскакивал: «У меня же уроки после обеда!» После он с неохотой прощался и отправлялся в класс, неся огромную сумку.

Все могут догадаться, что диалоги двух литераторов Цзя Ли не интересовали. Обычно он забирался в свою комнату и занимался тем, что нравилось: упражнялся в отжиманиях или слушал магнитофон. В тот день он как раз звонил Лу Чжишэну, как вдруг услышал, что в соседней комнате хлопнули ладонью по столу и заговорили на повышенных тонах. Похоже, они о чем-то спорят!

– Э, да они там ругаются! – донес Цзя Ли Лу Чжишэну.

– Иди-ка скорее все разузнай, – воодушевился тот. – Посмотрим, как они подерутся!

Цзя Ли опустил трубку и услышал, как оттуда доносится голос Лу Чжишэна, который уже точно хотел понаблюдать за хаосом:

– Эй, трубку только не вешай, докладывай мне о боевой обстановке в режиме реального времени!

Цзя Ли, конечно, не стал его слушаться и повесил трубку. Он прокрался в комнату отца и увидел, как два литератора неуклюже пытаются пробраться на чердак, весь заваленный книгами. Папа называл эти сокровища заначкой.

Оба книжных червя все еще очень волновались и, согнувшись в три погибели, жестикулировали и излагали каждый свою точку зрения.

– «Венецианский купец» – необыкновенная с точки зрения сюжета пьеса!

– Нет-нет, в пьесах Шекспира особое внимание уделяется изображению персонажей.

В крайнем разочаровании Цзя Ли собрался было улизнуть, но взгляд его упал на раскрытую сумку учителя, откуда наполовину высовывался учебный план. Вдруг все недовольство, которое он испытывал к учителю Чжа, вылилось в одну мысль: можно ведь спрятать его, чтобы он хорошенько опростоволосился при учениках!

Когда Цзя Ли вытащил из сумки учебный план, сумка сморщилась до безобразия. Мальчик второпях стянул с полки папины черновики в большой кожаной папке и сунул их в сумку учителя Чжа. Заняло это всего несколько секунд. Не успел он спрятать учебный план, как раздался телефонный звонок: должно быть, это Лу Чжишэн, от которого пользы мало, зато одна беда!

Папа тут же высунулся из заначки и громко крикнул:

– Цзя Ли, подойди к телефону!

Цзя Ли никак не мог попасться папе на глаза, поэтому ему пришлось пробраться с учебным планом в руках в кладовку. Воздух в ней был затхлым, и если надолго задержаться, можно так надыхаться, что одежда тоже пропахнет. Тут же два литератора спустились с чердака. Цзя Ли услышал, как папа прошлепал отвечать на телефонный звонок – он намеренно поставил телефон в комнате детей, чтобы они были связными в его доме.

Примерно минуту учитель Чжа ничего не говорил. Цзя Ли уже решил было, что он раскрыл подмену, и весь покрылся испариной от ужаса. Но потом учитель пробормотал под нос:

– Произведения Шекспира – что Египетские пирамиды для культуры!

Наконец раздался звук застегивающейся молнии на сумке. Цзя Ли в душе превознес чудотворную силу Шекспира.

Папа вошел, шаркая туфлями, и недовольно сказал:

– Не знаю, что за ребенок безобразничает. Взял трубку, а он спросил, как я подрался. Вот уж до чего нечем заняться мальчишке, и на что только тратит лучшие годы! Я ему наставлений прочитал.

Ох уж этот Лу Чжишэн, сам на себя беду накликал!

Через десять минут друзья встретились, и когда Цзя Ли поведал Лу Чжишэну о своей затее, тот так заволновался, что даже заикаться стал:

– Это... это... такой спектакль будет!

Учитель Чжа – человек в высшей степени рассеянный. Без учебного плана он непременно будет запинаться и выставит себя полным дураком. А Цзя Ли взял его с собой, собираясь пролистать и неожиданно сделать учителю подсказку перед всем классом.

Они представляли, как учитель Чжа смутится, как ему станет стыдно. С этих пор ему сложно будет кичиться перед ними своей властью.

Прозвенел звонок на урок. Несчастный учитель Чжа, еще не зная о предстоящем позоре, спокойно сказал:

– Начинаем наш урок китайского языка и литературы! Сегодня изучаем шестнадцатый!

Цзя Ли тут же махнул рукой Лу Чжишэну. Он уже пролистал учебный план до этого урока. Это была история про Исаака Ньютона, были записаны некоторые цифры и термины. Ну что же, посмотрим, как выкрутится учитель Чжа. Как только он оговорится, найдется кому его поправить!

Учитель Чжа раскрыл сумку, вытащил кожаную папку, даже не заметив, что она совсем другого цвета. Однако когда он раскрыл перемаранную и перечерканную рукопись и сосредоточился на написанном, тут же остолбенел и горько усмехнулся.

Лу Чжишэн кашлянул. Его лицо расплылось в улыбке до ушей, как будто это была его заслуга.

Помолчав несколько секунд, учитель Чжа побледнел еще больше, но совсем скоро положил черновик обратно в папку, сложил руки за спиной, сделал несколько шагов и сказал:

– Хорошо, начинаем шестнадцатый урок! Сначала я расскажу вам о жизни Ньютона.

Сердце Цзя Ли подскочило до самого горла. Он был совершенно сбит с толку, словно какое-то секретное оружие непонятным образом вышло из строя.

– Исаак Ньютон – великий английский ученый, родился в 1642 году. Он провел углубленные исследования на основе выводов Галилео Галилея и сформулировал законы Ньютона. Также, проведя работу над результатами исследований Кеплера, он открыл закон всемирного тяготения...

Цзя Ли чуть в обморок не упал. Он рылся в учебном плане, выискивая ошибки учителя, но обнаружил, что тот, оказывается, слово в слово помнил весь учебный план. Чем дальше учитель рассказывал, тем более ладно у него получалось, речь выходила безукоризненной. Цзя Ли же словно на гвоздях сидел. Ему так и хотелось выскочить из класса. Ах уж этот Лу Чжишэн раньше времени радовался! Он, совершенно подавленный, уронил голову на парту.

После этого учитель Чжа снова пришел домой к Цзя Ли и вернул папе его папку с черновиками. К счастью, он с первого взгляда заметил, что учебный план лежит на видном месте на полке. Он взял его и снисходительно сказал:

– А, вот ты где!

Папа Цзя Ли явно тут был посторонним. Он мимоходом спросил:

– Что случилось?

– Коварный план с подменой, – многозначительно сказал учитель Чжа и кивнул в сторону Цзя Ли.

– Что это вы загадками говорите? – папе Цзя Ли нужно было о многом думать, он не мог размышлять обо всем одновременно, поэтому просто перестал расспрашивать об этом деле.

С того дня отношения между Цзя Ли и учителем Чжа немного изменились, как будто они обстоятельно друг друга узнали. По мнению Цзя Ли, учитель Чжа оказался большим мастером, и он поверил, что сможет кое-чему у него научиться.

В это время снова случился инцидент. Хун Чан, девочка из класса Цзя Ли, собралась переезжать в пригород. В классном комитете стали обсуждать, как устроить ей проводы. Три девочки из комитета предложили сфотографироваться на память.

«Разве это нужно?» – подумал Цзя Ли, но ничего не сказал, потому что вспомнил те режущие слух слова: «Какой этот мальчишка ушколобий!»

Во время финального голосования все отдали свои голоса за, и Цзя Ли тоже поднял руку.

В день перед расставанием с Хун Чан все собрались у входа в фотостудию. И мальчики, и девочки окружили Хун Чан, оставляя ей свои адреса. Все хотели обзавестись живой далеко подругой, с которой можно переписываться.

В конце концов даже Лу Чжишэн протиснулся к Хун Чан и оставил ей свой адрес, как будто все время с ней дружил и никогда не называл «Кармен». Он увидел стоявшего в сторонке Цзя Ли и громко спросил:

– Цзя Ли, а ты свой адрес не оставишь?

Тот как раз колебался, но тут услышал, как откликнулась на это Хун Чан.

– Цзя Ли? Да не нужен мне его адрес! – четко произнесла она.

Цзя Ли показалось, что над ним немилосердно насмехались. Он напряженно отыскивал какие-нибудь противные слова, чтобы отомстить. Как жаль, что учитель Чжа стоит на стороне Хун Чан, и у Цзя Ли нет никакой возможности сделать это.

Когда все построились для снимка, Цзя Ли не слушал фотографа. В душе клокотали обида и гнев, а поскольку он не мог никому излить душу, вид у него был слегка удрученный.

– Хорошо, расходимся! – сказал фотограф.

Только тогда Цзя Ли вспомнил, что не успел улыбнуться. На самом деле человек не может все время улыбаться. Подняв голову, мальчик увидел, что на него с блеском в глазах смотрит учитель Чжа.

Вскоре наступил день рождения учителя – об этом разузнали любившие всякие сплетни девочки. Они считали, что день рождения – большое событие. Одни ученики подготовили поздравительные открытки, другие – тетради, а кто-то даже сочинил стихи. Цзя Ли нарисовал картину, на которой изобразил величественного и воинственного петуха, назвав ее «Мой учитель».

– Почему ты нарисовал петуха? – спросил Лу Чжишэн. – Не лучше ли тигра?

– Потому что учитель Чжа родился в год Петуха!

– Плохо дело, разве ты его не очернил?

– Да что ты понимаешь! – сказал Цзя Ли. – Он вовсе не такой человек, не придирается к пустякам!

И правда, из всех подарков учителю Чжа больше всего понравился этот рисунок. Он даже решил оформить его в рамку и поместить в свою коллекцию.

Однажды он подошел к Цзя Ли и сказал:

– Спасибо тебе за подарок. Я тоже хочу в ответ тебе кое-что подарить.

Цзя Ли сконфузился:

– Не надо, я и так рад, что вам нравится.

Учитель Чжа вручил ему красивую тетрадь. Цзя Ли открыл титульную страницу и увидел, что там громоздким почерком написано: «Если у тебя душа широкая, как море, будут и

глубина, и достоинство». Цзя Ли улыбнулся и ничего не сказал, но все-таки залился румянцем. Сложно быть мальчиком, тем более незаурядным!

В день, когда учитель Чжа подарил Цзя Ли эту тетрадь, он получил еще и письмо от Хун Чан. Она писала, что Цзя Ли – мальчик, которого сложно забыть, а еще отмечала, что его адрес ей не нужен, потому что каждый день по пути на учебу проходит мимо дверей его дома и очень хорошо запомнила его номер.

Только через время Цзя Ли узнал, что из всех одноклассников он стал первым счастливым, получившим письмо от Хун Чан.

Глава 4. Дела семейные

«Мамочка из семьи У отлично понимает мальчиков. Она часто говорит, что они созданы для великих свершений, а вот девочкам надо учиться делать всякие домашние дела. Она сама вообще читать не умеет, но мама из нее просто первоклассная. А вот мои дорогие папа с мамой с ней не согласны, говорят, это устаревшая точка зрения, но ведь и в ней немало истины, а они вдруг ею пренебрегать решили.

Мир изменился, девочки ценятся больше, чем мальчики. Что уж мне остается?»

(Из дневника Цзя Ли)

Цзя Ли жил в доме с двумя комнатами, который для их города считался очень просторным. У родителей была спальня, игравшая одновременно роль кабинета и гостиной. Она была чисто убрана, как какая-нибудь нуждающаяся в охране достопримечательность. Комната Цзя Ли и его сестры была многофункциональной: это и столовая, и телевизионная, и игровая и даже зал для утренней зарядки. Зачастую, сделав отжимания, Цзя Ли проверял коленки, чтобы убедиться, что к ним не прилипли рисинки или рыбы кости. Брат с сестрой спали на двухъярусной кровати. Каждую ночь, когда Цзя Мэй приходилось забираться на верхний ярус, она ворчала:

– Вот было бы хорошо, если бы мама родила только меня.

Какие же девчонки поверхностные, любят всякие пустые фантазии строить. К тому же она не подумала о преимуществах обладания братом. Всякие мелкие хулиганы в школе не смеют ее обидеть, потому что у нее такой авторитетный брат.

В тот день Цзя Ли вернулся домой с уроков и увидел записку на маленькой доске рядом с дверью. Там было написано: «Займитесь домашним заданием, а вечером у нас семейный совет».

Почерк мамин. Она любила всякие вещицы, и эта маленькая доска тоже была ее идеей. Как только она появилась, все с удовольствием стали оставлять на ней сообщения, как будто это было семейное средство связи, замещающее разговоры. Мама была забывчивой и вспоминала важные вещи только тогда, когда все уже уходило, и тогда доска становилась выразителем ее мыслей.

– Семейный совет? Я пропущу, – сказал Цзя Ли. – Я хочу посмотреть вечером спортивную программу по телевизору.

– Пропустишь – не получишь права высказаться! – сказала Цзя Мэй. – Только потом не жалей!

Похоже, ее посвятили в какую-то тайну. Как-то так вышло, что дома Цзя Ли узнавал все последним, хоть и обладал самым лучшим зрением и слухом. Очевидно, родители не особенно доверяли ему важные дела.

Больше всех Цзя Ли сочувствовала мамочка из семьи У которая как раз готовила ужин и ворчала на кухне:

– Что толковать об этом? Девочка уже такая большая, разве великое дело поучить ее вести домашнее хозяйство?

– Мамочка У, что такое? – Цзя Ли просунул голову в жаркую кухню.

Мамочка из семьи У была соседкой Цзя Ли. В этом году она вышла на пенсию и теперь сидела дома. Мама Цзя Ли пригласила ее в гости, и мамочка У, видя, что у них дома беспоряд-

док, согласилась каждый день приходить на два часа и делать кое-какую работу – для нее это было своего рода развлечением и отдушиной.

Поначалу она отказывалась брать за это деньги, но вскоре перестала церемониться, поскольку мама Цзя Ли выдавала ей зарплату всякими вещами, а они были не по вкусу. Принимая активное участие в делах семьи, она могла позволить себе вступать с родителями Цзя Ли в идейные конфликты.

Только от мамочки У Цзя Ли и узнал, что дело плохо. Оказывается, мама собиралась преподавать в театральном кружке, поэтому большая часть работы по дому, которую она раньше выполняла, ложилась на плечи остальных домочадцев. На вечернем семейном совете как раз и предстояло обсудить разделение труда.

– Я... У меня совершенно нет на это времени! – Цзя Ли от волнения широко разевал рот, словно рыба. – Мамочка У, скажите?

Цзя Ли знал, что мамочка из семьи У его преданный сторонник. У нее самой был сын, но пристрастие к мальчикам никуда не делось. Даже встречаясь с Лу Чжишэном, она забрасывала его вопросами и досадовала, что не может его усыновить. Поэтому одной своей фразой Цзя Ли купил мамочку с У с потрохами.

– Такие уж у тебя родители: избаловали дочку, вот Цзя Мэй ничего и не умеет. Трудно ей будет мужа найти! – мамочка У всплеснула руками. – Погоди-ка, я поговорю с твоими родителями.

– Нет-нет, они даже слушать не будут, – Цзя Ли знал, что его родители против старых взглядов. Если мамочка У скажет им это, она рискует испортить все дело.

– Тогда что говорить?

– Я. я не умею делать домашние дела, я неаккуратный, могу тарелки разбить, если буду мыть посуду, подниму пыли, если буду пол подметать.

– Да! Да! – закивала мамочка У – Девочки все-таки аккуратнее.

Цзя Ли немного успокоился, ведь родители уважали мамочку из семьи У. Одно ее слово весит куда больше, чем 50 слов Цзя Ли. Мамочка У слово сдержала. Закончив готовить рис, она присела на стул и стала ждать, настроенная не отступать до победного конца.

Наконец вошел глава семейства – Цзя Ли тайком называл его старшим Цзя.

Увидев мамочку из семьи У, старший Цзя обронил:

– Спасибо вам за помощь.

Воспользовавшись моментом, мамочка У изложила ему свою точку зрения. Тот, настроившись, сказал:

– Да, мальчики неаккуратные, но разве работу по дому выполнить не могут?

– Ну а как же! – подтвердила мамочка У – Вы же сами через это прошли.

– Согласен, я подаю детям плохой пример, – виновато сказал старший Цзя.

И правда, в этом доме папа мог только раздавать распоряжения и лишь иногда помогать маме: то соль подать, то приправу. Но даже так зачастую подавал ей совсем не то, что нужно. Услышав его чистосердечное признание, Цзя Ли сразу расслабился. Он подскочил, беззаботно завалился на кровать и замурлыкал под нос: «Следуй за чувствами... пусть мягче становится шаг...»

К сожалению, ход мыслей папы был непредсказуем. Он совершенно не думал следовать за чувствами. Когда вся семья собралась за столом, он спросил:

– Цзя Ли, ты, кажется, согласен с мамочкой У?

– Ну, это... – Цзя Ли был застигнут врасплох. – Может, она и права.

– Мальчики не умеют делать работу по дому, они неаккуратные. Но все это определяется привычкой.

– Угу, – Цзя Ли торопливо запихивал еду в рот, ожидая продолжения папиной тирады.

– Но чем дальше, тем понятнее, что все это из-за недостатка тренировки, – сказал старший Цзя. – Тебе нужно восполнить этот недостаток и стать работоспособным мальчиком, а не таким неумехой, как папа.

Дорогая мамочка У, ну что за медвежью услугу ты оказала!!!

Слово папы как главы семьи было решающим. Затем все проголосовали по всем правилам. Сестра всегда была папиной любимой дочуркой, а мама в целом – образцовой женой, поэтому они единогласно поддержали его предложение. Никаких независимых суждений у них нет!

Куда хуже было то, что папа еще и расписал эту неблагодарную работу как что-то славное и достойное:

– Когда мама будет преподавать в вечернем кружке, главным распорядителем дома останется Цзя Ли. Эта должность связана с большой ответственностью. У всего должен быть руководитель.

Несчастный главный распорядитель ведал только мелкими делишками: никто не вынес мусор, чашки грязные, стол нужно протереть. А в подчинении у него был только один работник, которым и руководить-то сложно, – сестра! Ведь как он мог посметь папой распоряжаться!

– Так, значит, – бормотал Цзя Ли, – если главный распорядитель отдаст приказ, но никто его не слушает, можно ли... скажем, принять некоторые меры...

– Пожалуй, займись идейной работой, – сказал папа. – Собственный пример лучше любых наставлений.

Ну ладно! Цзя Ли прекрасно понимал, что все эти пафосные речи просто делали главного распорядителя обычным прислужником.

Цзя Мэй радостно скакала, как будто легко отделалась. Вся эта особая связь между близнецами – просто вздор и чушь! Цзя Ли терпит бедствие, а ей весело! Однако такое хрупкое создание, как сестра, можно победить лишь хитростью. Прямое противостояние с ней не годится, потому что она сразу в слезы ударится.

В первый же день, когда Цзя Ли вступил в руководящую должность, он столкнулся с трудностями. После ужина папа пошел к себе в комнату читать газету. Неизвестно почему, он всегда читал газеты с огромным интересом, тратя на это каждый день по меньшей мере час, не пропуская даже дурацкую рекламу. Одну двадцать четвертую часть своей жизни он проводил за чтением газет. Ну а сестра? Оттолкнула от себя тарелку и пошла рассматривать фотографии всяких знаменитостей. Никак не наиграется с этими глупыми картинками!

– Эй, помоги мне помыть посуду, – просто попросил Цзя Ли.

– У меня нет времени, – последовал ответ.

– Ах так, как будто я бездельник! – Цзя Ли погрозил кулаком в ее сторону.

– Да чего злишься-то? – спросила сестра. – Не забудь об идейной работе.

Цзя Ли получил отказ, а в идейной работе у него никакого опыта. Если просто копировать ворчание матери – без труда никакой ответственности нет и достижений тоже, – сестра просто живот от смеха надорвет.

Главному распорядителю пришлось взяться за грязные тарелки. Результаты были просто великолепны: он разбил одну тарелку и две фарфоровых ложки для супа. Ночью мама вернулась и, позвякивая тарелками, помыла их заново. Цзя Ли услышал, как она говорит:

– Да что они тут помыли, листики зелени так и остались на тарелках. Бог с вами, завтра просто оставьте как есть, я вечером приду и помою.

Цзя Ли захотелось крикнуть: ребенок, у которого есть мама, – как драгоценность. Но тут подал голос папа:

– Так не годится! Если не получается, значит, нужно усерднее тренироваться!

Хм, его теория только и годится, чтобы применять на детях!

На другой день Цзя Ли обнаружил на доске записку: главный распорядитель в первый день не справился с обязанностями.

Вечером Цзя Ли был умнее. Только отставив от себя тарелку, он завопил, что у него болит живот, и понесся в туалет. Протомившись там добрых 20 минут, он вышел и увидел, что на столе все чисто убрано. Он уже внутренне ликовал, когда из кухни вышел папа и, словно увидев путеводную звезду, радостно обратился к Цзя Ли:

– Там миски очень жирные, холодной водой я их не отмыл, иди-ка вымой теплой.

Не успел Цзя Ли на это отреагировать, как папа непринужденной походкой направился в комнату, взяв обожаемую газету. Мальчик невольно подумал, что все мужчины одинаковы, им все эти мелочи в виде помывок и стирок не по душе. Только милой мамочки это не касается: когда она дома, без усталости хлопочет. Почему бы сестре не брать пример с нее?

Цзя Ли, увидев перед собой целую раковину грязных тарелок и блюдец, некоторое время смотрел на них в оцепенении, а потом решил воспитывать в сестре любовь к труду, хоть и выглядело это сложнее, чем взобраться на Эверест!

Он внезапно нагрянул в их комнату, и Цзя Мэй завизжала, торопливо пряча от него в карман какую-то вещь. Цзя Ли это заметил: загадочный предмет тут же выпятился бугорком у нее в кармане.

– Это что такое?

– Не твое дело!

– Главный распорядитель имеет право спросить!

Они сверлили друг друга глазами, не собираясь идти на уступки. Так прошло долгое время, и сестра, отчаявшись, моргнула и сказала:

– У тебя глаза как у леопарда, такие злобные, прямо страшно! Надо тебя в зоопарк перевести!

– Это называется угрожающий вид! – сказал Цзя Ли. По части свирепых взглядов он был далеко не любителем, но, конечно, не мог проиграть этой слабенькой девчонке без всякого выражения в глазах. – Скорее, иначе леопард церемониться не будет!

Сестре пришлось покорно отдать ему спрятанное в кармане. В конце концов, каким-никаким авторитетом брат обладал. Это был тюбик, похожий на зубную пасту. На нем было написано «Молочко для умывания». Цзя Ли видел рекламу, где женщина с видом соблазнительницы намазывала эту штуку себе на лицо. На него сразу же накатило отвращение.

– Таким девочкам, как ты, нельзя этим пользоваться!

– Но в художественном ансамбле все им пользуются! Это они мне и подарили!

– Они тебе голову заморочили. Этим пользуются не порядочные женщины!

– Да ты чушь несешь! В инструкции написано: подходит для всех возрастов, – сестра не лезла за словом в карман.

– Главный распорядитель сказал нельзя – значит, нельзя.

– Нет, можно!

– Хорошо, пусть папа нас рассудит!

Сестра тут же пала духом. Папа был в чем-то несколько консервативным, упорно твердил, что голову мыть нужно мылом, как в китайской армии, а всякие там шампуни не нужны. Сестра прекрасно понимала, что он скажет, поэтому тут же смягчилась:

– Говорят, близнецы должны друг другу помогать.

– Хорошо! – сказал Цзя Ли. – Помоги мне, помой посуду, но только теплой водой!

Сестре пришлось со злостью подчиниться. Цзя Ли присвистнул.

Вечером того дня мама вернулась домой и снова проверила шкафчик с посудой, а потом глубоко вздохнула:

– Безобразие, что же он натворил? Разбил четыре тарелки!

Утром следующего дня на доске красовался суровый приговор: «Управление главного распорядителя неэффективно, общественное имущество повреждено. На сей раз распорядителю выносится строгий выговор, и если он не исправится, придется привлечь его к ответственности!»

Путей к отступлению у Цзя Ли не осталось. Пришлось взяться за дело самому. Ему хотелось высказать горе грязных тарелок столько злобных слов, но рукам приходилось обращаться с посудой осторожно, как с историческими реликвиями. И вот тон записок на доске посветлел, как небо после дождя. Часто там значилось: «Главный распорядитель в целом справился с задачей» – до чего же обобщенное замечание!

Толстяк Лу Чжишэн возмущался несправедливостью, которую терпел его друг, и постоянно твердил:

– Тебе нужно попросить о субсидиях для главного распорядителя!

Да разве Цзя Ли сообразительностью уступает Лу Чжишэну? Он уже давно спрашивал папу, нельзя ли его вознаградить, на что тот ответил:

– Такой-сякой, сам пришел награды просить!

Лу Чжишэн сказал:

– Он имеет в виду, что будет лучше, если другие замолвят за тебя словечко!

И тут Цзя Ли осенило. Он позвал на помощь Цзя Мэй, но его сестрица-близнец ответила беспощадным отказом:

– Ну уж нет! Тебя и так каждый день хвалят, еще и звание эдакое присвоили, ты уже достаточно себя выпятил, а еще и награды какой-то хочешь? Вот жадюга!

Главный распорядитель совсем разочаровался в сестре и при встрече с ней стал со злостью отворачиваться.

Через несколько дней папа с мамой почувствовали, что в воздухе витает запах войны, и созвали всю семью на семейный совет, решив помирить Цзя Ли с сестрой. Странная у них была теория: они неизменно считали, что дети ни в коем случае не должны охладеть друг к другу, и необходимо поддерживать их теснейшую связь.

Опять они завели старую песню! Цзя Ли подумал, что надо бы зевнуть, выразив презрение.

Папа поглядел на него и спокойно начал речь:

– Вчера мы с мамой получили два письма.

– Два письма? – в один голос спросили брат и сестра.

– Поскольку они не подписаны, мы не выяснили, кто автор. Сейчас мы их зачитаем, чтобы вы проанализировали.

Папа прочитал ноту протеста, а мама – заявление об отставке.

«Нота протеста: вам нужна посредственная или одаренная дочь? Брат родился первым, в животе у мамы получал больше питательных веществ, но до сих пор занимает более важное место! Его вы зовете по имени, а меня малышкой. Когда я, как и он, смогу стать главным распорядителем и командовать Цзя Ли? Ваша дочь вовсе не малышка какая-то, поэтому хочет, чтобы ею не пренебрегали».

Цзя Ли ухмыльнулся. Вот она и выросла. Девчонки странные: кажется, ничего в толк взять не могут, но на самом деле тоже понимают немало.

«Заявление об отставке: меня против воли назначили на должность главного распорядителя, у которой нет никаких преимуществ, но подразумевается огромная ответственность. По сравнению с вашей дочерью я пострадал слишком сильно. С беспристрастной точки зрения, я не имею в семье никакого веса. Если у вас есть какие-то дела, я узнаю о них последним, со мной не считаются так, как с сестрой».

– Ноту протеста написала я, – покраснев, призналась Цзя Мэй.

– Ну а заявление об отставке, – сказал Цзя Ли, – подал я.

– Следует прояснить три пункта, – заговорил папа. – Во-первых, вы – самые почетные люди в этом доме.

Брат и сестра прыснули. В своих письмах они обругали друг друга, спорили, во всем противореча и защищая каждый свою позицию, но никто не смог опровергнуть доводы другого. Если ссора продолжится и дальше, у них не останется веских аргументов.

– Во-вторых, надеюсь, если у вас впредь накопятся какие-то недовольства и обиды, вы сможете написать о них, чтобы все поняли вашу точку зрения!

Мама, сидевшая рядом, сказала с улыбкой:

– А про третий пункт скажу я. Мы уже 14 лет как родители, но только сегодня поняли, что знания наши всегда будут недостаточно объемными. Вы дали нам подсказку. Чтобы отблагодарить вас, мы решили вместе отправиться в загородную поездку!

– О, я лучше с Лу Чжишэном поеду! – мрачно сказал Цзя Ли. – Можете отдать мне деньги за проезд?

Папа вздохнул и, глядя на маму, развел руками:

– Вот тебе и новая подсказка!

Глава 5. Страдающий писатель

«Как говорит Лу Чжишэн, в папе нет ничего особенного, в 18 лет надо с ним распрощаться. Хоть мой папа и немного смахивает на старика и мало кто им восхищается, он неплохой человек. По правде говоря, именно поэтому я очень им горжусь. Однако глубинные душевные порывы надо прятать в сердце, произвольно высказывать их не стоит. Одна только Цзя Мэй и может направо и налево вопить: „Хороший папа! Хороший папа!“»

(Из дневника Цзя Ли)

Папа Цзя Ли был детским писателем. По мнению мальчика, писательство было самой скучной работой на свете. Каждый день надо сидеть дома, ломать голову над такими вещами, которые написать еще труднее, чем сочинение. Дырки на папиных кофтах первым делом появлялись на локтях. А еще папа прямо дома устроил себе кабинет. Когда он начинал писать, не разрешал никому к нему входить, и стоило кому-то заговорить, недовольно ворчал:

– Эй, можно потише?

Он там пишет книгу, сам тихо себя ведет. Зачем заставлять других? Если дома не останется звуков, пропадет и вся атмосфера!

Судя по всему, с талантом у папы не задалось, потому что писал он очень мучительно. Днем уставал, а вечером, напротив, не мог уснуть, без снотворного. Бывало, всю ночь не смыкал глаз. Ему бы неплохо подошло работать в ночную смену, двери запирать не нужно, все равно воришка нагряться не осмелится. Поэтому папа часто, как старик, глотал таблетки и бегал по больницам.

Цзя Ли никогда не составлял папе компанию в походах по врачам, да и в прочих случаях отец с сыном редко появлялись вместе на людях. Когда он куда-то выходил с папой, это всегда казалось ему непривычным. Папа вел себя необычайно вежливо с чужими людьми, например направо и налево говорил «спасибо» мамочке из семьи У, а она смущалась и, слегка кланяясь, все время возражала: «Не за что, не за что». Однажды папа взял Цзя Ли с собой в гости к бабушке. На остановке было тесно, люди стремились пробиться вперед, но папа попятился и сказал:

– Пусть они первыми садятся, пропустим людей!

Папа напоминал почтенного господина в очках с золотой оправой.

У отца болели руки, он говорил, что у него периартрит плеча. Всякий раз, когда он слишком много писал, тренировался: приседал, высоко поднимая руки и упирая их в стену. Однажды он переборщил с занятиями, обе руки у него затекли, а пальцы перестали слушаться.

– Цзя Ли, подойди-ка!

Цзя Ли помог папе снять руки со стены и, не сдержавшись, сказал:

– Папа, пиши меньше, и рукам легче станет!

– Что ты понимаешь! – нахмурившись, отец взмахнул рукой, к которой вернулась подвижность. – Работа важнее всего!

Какой вообще смысл в написании книг? Вот строительство военных кораблей или выслеживание неопознанного летающего объекта – это и есть интересная, важная работа!

Цзя Ли в глубине души не был согласен с отцом, но не решался этого выдавать. Дома, со своими, папа не слишком церемонился. Цзя Ли собственными ушами слышал, как отец вопит:

– Жена, где мои туфли?

Мама спокойно к этому относилась, как будто «жена» было вежливым обращением. А папа, надев свои туфли, даже спасибо говорил сквозь зубы, но мама и на это не злилась. Что

касается сестры, папа называл ее странно: то Белоснежкой, то поросенком Стивенем, словно забыв о том, что ей уже 14 лет! Что до Цзя Ли, тут и говорить нечего, он постоянно внушал сыну:

– Надо бы тебе ума набраться!

Как будто Цзя Ли был дурачком!

В октябре папа издал новую книгу, она называлась «Молодой человек из Шанхая». Ее обложка выглядела старомодно, а рассказывалось там о чувствах между братом и сестрой. Слава богу, он не стал писать о близнецах, иначе одноклассники Цзя Ли, прочитав эту книгу, его высмеяли бы. Напечатали немного, всего две тысячи экземпляров. Сам папа купил себе 200 штук. Неудивительно, что в книжных магазинах встретить ее было непросто. В школе Цзя Ли о ней не знали. Папа расстроился, а вот Цзя Ли ничего против не имел.

Отклики на книгу оказались посредственными, и папа с этим не смирился. Он вытащил два экземпляра и протянул их Цзя Ли и Цзя Мэй со словами:

– Прочитайте-ка, а на следующей неделе изложите мне свои точки зрения. Запомните, это важное домашнее задание, его обязательно нужно выполнить.

Цзя Мэй добросовестно стала читать книгу; встречая незнакомые слова, спрашивала, что они означают, но через некоторое время задремала. Цзя Ли тоже почитал. И правда, книга ему не понравилась. Брат в ней был каким-то болваном и дубиной, при этом умудрялся быть образцовым учеником, что противоречило его качествам. Сестра тоже была бестолочью, все время ставила брату палки в колеса и творила мелкие пакости. Хоть брат и был ее родным человеком, она вообще не знала меры и выдавала его другим мальчикам.

Через неделю папа, полный надежды, пришел принимать их домашнее задание.

– Дочитали?

– Дочитали.

– И какие у вас ощущения? – улыбнулся папа. – Пусть сначала Цзя Мэй скажет.

Девочка, читая книгу, несколько раз засыпала сладким сном, но с милой улыбкой сказала:

– Очень понравилось!

– Чем же? Расскажи конкретнее!

Цзя Мэй долго тянула, но наконец сказала:

– Все понравилось, очень сильная книга.

– О! – папа, как ни странно, был очень доволен ее ответом. Он махнул рукой и принял ее домашнее задание.

Когда очередь дошла до Цзя Ли, он со всей свирепостью сказал правду:

– Я думаю, герои книги не очень похожи на реальных личностей.

Папа тут же посуровел:

– Я совсем не о тебе писал. Как ты понял, что не похожи на реальных?

– Ну... – Цзя Ли вовсе не был так глуп и совершенно не хотел прославиться таким образом. Если бы папа писал о нем, он всячески протестовал бы. Если только в будущем он не поучаствует в чем-то великом, и тогда можно будет выпустить какую-нибудь «Биографию Цзя Ли». – Я не говорил, что герой на меня не похож. Я имел в виду, что обычно мальчики не настолько обожают своих сестер. А он все время сестре помогает!

– А еще?

– Девочка из художественного комитета класса попросила его о помощи. Он вполне мог помочь, не следовало ему отказываться.

– Почему?

– Потому что она очень милая, говорит мягко, ему нужно было всячески стараться ради нее! Как же ему не стыдно!

Папа помрачнел:

– Почему у тебя все так сложно? Уже замечаешь, какая девочка красивая, какая нет. В первом классе средней школы надо все-таки проще быть.

Цзя Ли понял, что творит глупость. Папа весьма упрям и непременно привлечет его к ответственности. Тогда он уклончиво сказал:

– Нет-нет, это не я так считаю.

– Тогда кто это сказал?

– Мой одноклассник. Я давал ему почитать эту книжку, – тут же выкрутился Цзя Ли. Лицо папы смягчилось. Похоже, он почувствовал, что его авторитет никуда не делся, и одной фразой отмел все критические высказывания о своей книге:

– Какой наглый! Кстати, как его зовут?

– Зовут? Его зовут Лун Чуаньчжэн.

– Лун Чуаньчжэн? – с подозрением переспросил папа. – Странное имя какое-то.

Цзя Ли и представить себе не мог, что эта история просто так не закончится, и скрыть от папы ничего не получится.

Через два дня отец со всей серьезностью позвал Цзя Ли к себе в кабинет, протянул ему «Молодого человека из Шанхая» и сказал:

– Подари-ка эту книжку своему товарищу Лун Чуаньчжэну, пусть он прочитает и подробно изложит свои замечания.

– А... а разве он не наглый? – Цзя Ли изо всех сил попытался отказаться.

– Э, иногда нужна смелость и такого рода, как у него, – настаивал папа.

Пришлось Цзя Ли взять книгу и побежать с ней к Лу Чжишэну.

– Пусть книга лежит у тебя.

– Конечно, иначе какие из нас друзья! – Лу Чжишэн как будто огромную услугу оказывал.

– Тогда и замечания на твоей совести.

– Нет-нет, я в этих делах полный дилетант. Это ты сын писателя, наплети там чего-нибудь, и бате сойдет.

Делать нечего, пришлось Цзя Ли отыгрываться за этого проклятого Лун Чуаньчжэна. Он внимательно прочитал книгу.

Через два дня папа снова позвал его к себе в кабинет. Он был любезен и даже спросил у сына, не хочет ли он воды.

– Что еще наговорил Лун Чуаньчжэн?

Цзя Ли сказал:

– Да все то же – не очень меткие замечания.

– Ничего страшного, ты непременно должен от начала до конца все пересказать. Этот твой одноклассник продвинутый!

– А? Да что ты, что ты!

– Ты чего это за него скромничаешь? – спросил папа. – Давай рассказывай.

У Цзя Ли не осталось никаких опасений, к тому же с ним обращались как с самым дорогим гостем, поэтому он с огромной охотой заговорил. Мол, теперь все совсем не так, как в книжке. Многие ребята в классе носят туфли известных брендов. Миниатюрные диктофоны есть аж у шести человек, поэтому над высокомерным мальчишкой из книжки, который любил щеголять в синих кроссовках, только посмеяться можно. А еще тот брат всем сердцем хочет, чтобы младшая сестра ему помогала, а такое встречается редко. Какой бы замечательной сестра ни была, брат от нее зависеть не будет. В этом правда. Когда девочки с мальчиками разговаривают, они краской не заливаются. Сейчас девочки очень самоуверенны...

Папа слушал и с серьезным видом все дотошно записывал в блокнот, постоянно кивая головой. Цзя Ли невольно подумал, что даже если бы старший Цзя не был его отцом, он все равно любил бы с ним общаться.

Долгое время папа ни слова не говорил о Лун Чуаньчжэне. Цзя Ли радовался, что он попросту забыл об этом парне. Однажды папа получил гонорар – толстую пачку денег. Цзя Мэй радостно вскрикнула и стала ластиться к нему, прося купить ей калькулятор.

Папа сказал:

– Хорошо, вы оба высказались о книге, вас надо наградить. Я куплю вам калькулятор и пишущую машинку с английской раскладкой. Будете пользоваться!

– Но брат сам не высказался, – заявила Цзя Мэй. – Просто передал слова Лун Чуаньчжэна. О, а как Лун Чуаньчжэн выглядит? Чего это я его не знаю?

Любит же эта девчонка сболтнуть лишнего!

Папа вспомнил о Лун Чуаньчжэне и тут же сказал:

– Пригласи Лун Чуаньчжэна в гости. Пусть мамочка У что-нибудь ему приготовит. Я от него столько откровений узнал, хочу отблагодарить.

– Ну... Он... Он может неловко себя почувствовать.

– Ничего страшного, я попрошу вашего классного руководителя его пригласить! – сказал папа. – Тогда у него не будет предлога отказаться!

– Нет-нет, не в этом плане! Он не ходит в школу, у него была операция! – Цзя Ли пришла в голову блестящая отговорка.

– Операция? – папа заволновался. – Что же ты раньше не сказал? Я пойду к нему, навещу! Цзя Ли еще больше засуетился и сказал:

– Нет, завтра он придет в школу. Я позову его в гости.

Папа сказал:

– Вот и отлично, пусть приходит после уроков.

Что еще мог сказать Цзя Ли? Все пути к отступлению были перекрыты. Оставалось слушать, как папа дает мамочке У указания: купить завтра курицу и рыбу, лук и имбирь. Ах, всего один неверный шаг, и дальше все идет наперекосяк!

Никто не мог прийти Цзя Ли на выручку. Если бы еще дружили три мушкетера, существовал бы абсолютно надежный план – поручить этому любителю сыпать заморскими словами притвориться Лун Чуаньчжэном. Этого было бы предостаточно. Как жаль, что мушкетеров осталось только двое.

Цзя Ли стал упрашивать Лу Чжишэна, но тот изо всех сил увиливал:

– Ну нет, твой папа меня знает!

– Ты можешь сказать, что Лун Чуаньчжэн – твое вымышленное имя!

– С чего бы это я взял себе такое имя? – нудил Лу Чжишэн. – Как у какого-то предводителя!

– Да ты сходи, папа тебя приглашает, там будет много вкусного. К тебе относятся как к высокому гостю, а ты не ценишь.

– Ну раз так... – Лу Чжишэн почесал в затылке. – А если он заговорит об этой книжке, что тогда?

– Можно сменить тему! Ловко маневрируй, будь как можно более изощренным, – сказал Цзя Ли. – Да, и еще: Лун Чуаньчжэн только что пережил операцию и боится неловко себя почувствовать. Еще у него должна быть сестра, поэтому он и имеет право так высказываться.

– Цзя Ли, ну ты даешь! Так прекрасно помнишь все, о чем наврал! Я в восторге!

Только Цзя Ли воодушевился, как внутри у него снова похолодело. Особенно когда этот исполнитель роли Лун Чуаньчжэна перед самым выходом вдруг хитренько предъявил ему требование:

– Товарищ, мы должны помочь друг другу. Так, вот тебе мое сочинение-рассуждение, исправь-ка его, чтобы я хотя бы «хорошо» получил!

В ту минуту Цзя Ли был готов не то что сочинение исправить – целый день быть рабом «Лун Чуаньчжэна».

После уроков Цзя Ли втолкнул пухляша «Лун Чуаньчжэна» в свою дверь и сказал папе:

– А вот и он.

Папа со смехом отозвался:

– А! Здравствуй! – и тут он осекся, изучающе оглядел гостя. – Погоди-ка, ты разве не Лу? Лу что-то там?

– Это мой псевдоним, – заволновавшись, Лу Чжишэн перепутал слова «вымышленное имя» и «псевдоним».

– О, так ты что-то пишешь? Отлично, отлично, а где твои тексты выходят? – папа был серьезен.

– Выходят? Как выходят? А, вы спрашиваете, какие оценки мне ставят? Ну в общем не очень высокие.

Цзя Ли от волнения даже вспотел и поспешил сказать:

– Папа, он скромничает и никогда не признается, сколько у него уже вышло текстов!

– Умен не по годам! – папа доброжелательно закивал.

Лу Чжишэн понял, что его хвалят, и безапелляционно кивнул:

– Ага, ага!

Мамочка из семьи У захлопотала, расставила на столе блюда, осыпая Лу Чжишэна восторгами. Мол, у него такой высокий лоб, такие правильные черты лица. С первого взгляда понятно: он счастливчик! А еще у него глаза такие ясные, умом он явно других превосходит. Лу Чжишэн, на которого свалилось столько похвал, с высокомерным видом восседал за столом. Цзя Ли так и хотелось пихнуть его ногой.

– Как твоя ранка? Уже лучше? – спросил писатель.

– Какая ранка? У меня никогда никаких ранок не было, на теле – ни шрамика! – у Лу Чжишэна так закружилась голова от успехов, что он забыл об операции, которую только что перенес Лун Чуаньчжэн.

Папа бросил на Цзя Ли быстрый взгляд.

Когда все приступили к еде, папа налил «Лун Чуаньчжэну» стаканчик газировки. А этот толстяк со своим отцом немало ел в рестораниках, поэтому достаточно отведал всяких яств:

– Это низкосортная газировка, там ароматизатор. Мне нравится пить сок, что-то вроде кокосового молока или томатного сока, на худой конец апельсиновый. Минералку высшей категории я как-никак пробовал, она такая же, как охлажденная кипяченая вода. Просто развод на деньги.

Словом, за столом толстяк трепался без умолку, папа Цзя Ли не мог даже слова ввернуть. Цзя Ли тихонько наступил ему на ногу, но тот вообще обо всем позабыл и сказал:

– Ты чего, покушать – это тоже наука!

Папа в конце концов перестал что-либо говорить. Дождавшись, когда толстяк вволю нахвалится и наестся, он все же сказал:

– Слышал, ты прекрасно разбираешься в психологии мальчиков. Можно ли поговорить с тобой об этом?

– Ну это... – поддельный Лун Чуаньчжэн тут же переменялся в лице. – Я должен домой идти, уже поздно!

Цзя Ли, проводив «Лун Чуаньчжэна» до дверей, вручил ему тетрадку с сочинением-рассуждением:

– Ах ты дуралей, сам исправляй!

В это время к Лу Чжишэну вернулось понимание, кто он такой, поэтому, ничего не сказав, он нахально улыбнулся, забрал тетрадь и ушел.

Цзя Ли вернулся в дом, в смятении стремясь как можно скорее зарыться под одеяло и тем самым обвести папу вокруг пальца. Но стоило двери за его спиной захлопнуться, как навстречу с мрачным выражением лица вышел папа, в упор поглядел на сына и сказал:

– Что за шуточки? Я завтра сам пойду в вашу школу и найду настоящего Лун Чуаньчжэна!

Настоящий Лун Чуаньчжэн проворочался всю ночь, ему приснились два кошмара подряд. Утром, не находя себе места, он чистил зубы и заметил, что папа уже ищет свои ботинки.

– Я... я больше не хочу притворяться! – скрепя сердце и выплевывая пасту, сказал Цзя Ли. – Я и есть Лун Чуаньчжэн.

Папа смерил его взглядом и не издал ни звука, лицо его тоже ничего не выражало. Он лишь неспешно снял ботинки.

Несколько дней Цзя Ли провел в страшном беспокойстве.

В воскресенье вечером папа вернулся домой с большим пакетом, откуда доносился сладостный аромат мяса и рыбы. Ко всеобщему удивлению, он пронес эти лакомства к себе в кабинет и велел его не беспокоить. Цзя Ли скрывался от греха подальше у себя в комнате, как вдруг услышал, что его зовет папа.

Мучаясь неизвестностью, Цзя Ли прошел в папину комнату и увидел, что тот достает из пакета упаковки апельсинового сока и как ни в чем не бывало расставляет еду на столе.

Цзя Ли не верил собственным глазам. Тут как раз папа завершил все приготовления, накрепко захлопнул дверь, а затем протянул Цзя Ли руку и приветливо сказал:

– Лун Чуаньчжэн, очень рад знакомству!

Ого, до чего же похоже на встречу подпольной организации!

Глава 6. Цена приключений

«Из десяти мальчиков девять хотят стать героями. Но в мире не может быть столько героев, поэтому каждому приходится проявляться в меру своих способностей. Внешность обманчива. Кто сказал, что я не смогу ступить на путь меча?»

(Из дневника Цзя Ли)

В школе Цзя Ли в центре внимания были старшеклассники. Почти все они были крупными малыми, одетыми по моде, говорили красиво. Иногда они специально приходили в ту часть, которую занимала средняя школа, чтобы навести порядок среди младших учеников. А в средней школе наименьшим уважением пользовались ученики седьмого класса, их называли малышкой, как будто они нисколько не отличались от малышек в детских штанишках, хныкающих, если им не дали конфетку. Цзя Ли испытывал максимальное неудовольствие из-за такой несправедливости, а вот Цзя Мэй и девочкам было все равно. Если сказать им, что они маленькие, они начнут еще больше сюсюкать.

Мальчикам первого класса средней ступени, седьмого класса, приходилось тяжело, если они хотели сделать себе имя в школе. Знаменитость должна была продемонстрировать какие-то особенности. Но у Цзя Ли никаких исключительных примет не было. Вот если бы у него на лице красовался большой шрам, это хоть сколько-нибудь бросалось бы в глаза. Позже он обнаружил, что почти все выдающиеся мальчишки, всеобщие кумиры, собрались в баскетбольной команде.

Поэтому, увидев объявление о наборе, тут же загорелся в нее попасть.

Испытания на зачисление в команду просты, но, вопреки всем ожиданиям, экзаменатор не стал проверять, как Цзя Ли прыгает и его реакцию, а просто отпихнул мяч ногой подальше и попросил мальчика подобрать его, затем вытащил целую кучу вещей и сказал Цзя Ли пронести ее несколько шагов. После этого он похлопал Цзя Ли по плечу и сказал:

– Поздравляю.

Новости о зачислении Цзя Ли в школьную баскетбольную команду разлетелись быстро. Сестра Цзя Мэй была их самым рьяным распространителем. О случившемся узнали все девочки из художественного ансамбля. При встрече с Цзя Ли они стали обращаться к нему не иначе как к восходящей звезде баскетбола, а некоторые даже чирикали:

– Тебе надо угостить нас конфетами! Это такая честь – попасть в команду!

– В следующий раз мы придем на соревнования поболеть за тебя!

Цзя Ли был совсем не против того, чтобы известия о нем распространялись с такой молниеносной скоростью, особенно радовали его восторги девочек из ансамбля и пылкие поощрения Лу Чжишэна:

– Я со своим весом в мяч играть не могу. Ты хорошенько занимайся, в будущем станешь чемпионом страны, а я на любую роль соглашусь: твоего агента, охранника!

В субботу вечером значилась тренировка баскетбольной команды. Цзя Ли вошел на площадку в новенькой спортивной форме, но ему тут же преградили путь и сказали:

– Сегодня уже есть человек, который подбирает мяч. Ты последи за одеждой вне площадки.

– Что? Но я член команды! – Цзя Ли назвал свое имя.

– Знаю, но вы внештатные игроки, вас специально набрали, чтобы подбирать мяч и охранять вещи регулярного состава.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Цзя Ли можно было похвалить за стойкость хотя бы потому, что он не упал в обморок. Он тут же без всяких слов ушел – быть мальчиком на побегушках? Увольте.

Однако это нанесло непоправимый удар по репутации Цзя Ли. Некоторые девочки из художественного ансамбля стали звать его специалистом по хвастовству. У Цзя Мэй из-за этого глаза несколько раз бывали на мокром месте.

Цзя Ли поклялся прославиться, выделиться из толпы. В третьем классе средней школы он, возможно, будет уже стар для славы, поэтому нужно скорее ухватиться за нынешний решающий момент и стать знаменитостью.

На осенние каникулы в этом году все ученики старше второго класса отправились в поездку в Сучжоу⁴ – посмотреть древние сады и здания. Один только седьмой класс направили в городской парк Чанфэн. Мама приготовила много вкусной еды для Цзя Ли и Цзя Мэй. Девочка была очень рада, а ее брат ужасно сердился: что это вообще такое, он не какой-то жадный до еды малыш, может довольствоваться и плиткой шоколада. В начальной школе они ездили в осенние поездки в парки, но они проходили кое-как. Сейчас он учащийся средних классов, гордо носит на груди значок школы, но опять должен отправляться в какой-то парк. Никакой доброй славы в этом нет. Ему очень хотелось вместе с Лу Чжишэном смешаться с группой, едущей в Сучжоу. Пусть даже весь день придется провести без еды. В живых останутся и то хорошо.

Но Лу Чжишэн пошел по пути наименьшего сопротивления и снисходительно сказал:

– Зачем куда-то рваться? У нас каникулы, отдохнем, погуляем, все лучше, чем на учебе корпеть!

В парке Чанфэн они были уже несколько раз. И, чем старше они становились, тем меньше казался парк. Декоративная горка напоминала низенький холмик, на который можно было забраться с закрытыми глазами. Из веселых занятий оставалась только гребля. Эх, сколько младших школьников в пестрой одежде гребли в лодочках, но рядом с ними было стыдно находиться. Они сидели с Лу Чжишэном на берегу, и Цзя Ли твердил, как ему скучно. Лу Чжишэн прекрасно понимал душевное состояние друга:

– Тебе кажется, здесь скучно, да? Но для того чтобы прославиться, нужны приключения!

– Я не боюсь приключений!

– Болтовня! А вот если бы кто-то в реку упал, ты спас бы этого человека?

– Конечно!

Как жаль, что водная гладь была совершенно спокойна, никакой опасности и в помине не было. И уж никак нельзя было опрокинуть одну из лодок и самым создать сложную ситуацию.

Лу Чжишэн сказал:

– Ладно, этого никак не проверишь.

– Если захотеть, можно и проверить.

– Как это? – засуетился Лу Чжишэн.

– Ты прыгнешь в воду, а я тебя спасу. Так мы оба прославимся!

Лу Чжишэн возразил:

– Так я клоуном каким-то выглядеть буду. К тому же я воды боюсь, я сухопутная птица!

– Так если ты сухопутная птица, весь спектакль больше будет похож на правду. Зачем спасать того, кто и так умеет плавать?

Затем мальчики стали обсуждать, как им обоим стать героями. Лу Чжишэн предложил нелепый план, говоря, что здесь пригород, и можно найти какое-нибудь кладбище и рассказать всем, что видели призрака в модных штанах, танцующего диско.

⁴ Город в Китае, знаменитый многочисленными старинными парками и ансамблями.

– Нет, не годится. Никто не поверит, еще и скажут, что мы суеверные и старомодные, – покачал головой Цзя Ли.

– Можно еще змею найти и всюду с ней ходить.

– Да, лучше всего взять ядовитую, с красным жалом, это по-настоящему опасно.

– Опасно-то опасно, но если она кого укусит...

– Мы будем ее держать! – сказал Цзя Ли. – И кормить жабами.

– Ну нет, девочки скажут, что мы жестокие.

Ох уж этот нерешительный Лу Чжишэн! Если все настолько детально продумывать, какие же это приключения? Совершенно заурядные делишки, а не приключения!

Пока они обдумывали возможности, те сами их поманили.

Неподалеку раздался крик женщины:

– Стой! Стой... Эй, хватай его!

Мальчишки подскочили, вытянули шеи. Они увидели, как молодая женщина в аллее яростно вопит и указывает рукой вперед. Казалось, она вот-вот расплачется. У нее были туфли на высоких каблуках, поэтому бежала неровно. За десять с лишним шагов впереди нее несли молодой человек с дамской сумочкой в руках. Лицо его покраснелось.

– Он украл ее сумку! – завизжал Лу Чжишэн.

У него аж голос переменялся. У Цзя Ли зашумело в ушах. Он был в состоянии крайнего возбуждения. Храбрецов, сражающихся с преступниками, он видел только по телевизору, но никак не ожидал, что и ему самому представится такой случай. Недолго думая Цзя Ли скормандовал:

– Вперед! – и, как пущенная из лука стрела, очертя голову метнулся к тому мужчине.

Вор повел себя странно. Когда Цзя Ли обхватил его за талию, он не вытащил нож или какое-то еще оружие, а разразился бранью:

– Чтоб тебя, что ты вытворяешь? Не отпустишь меня – отлуплю!

В это время, тяжело дыша, подоспел Лу Чжишэн. Увидев, что уже началась рукопашная схватка, он заорал:

– Это мы тебя отлупим, злодей!

Он набросился на вора с кулаками, не ожидая, что тот крепко схватит его за руки и начнет с силой отталкивать. Лу Чжишэн повалился ничком, уткнулся лицом в землю и громко завыл.

Подбежала и женщина, в страшном гневе обратилась к Цзя Ли:

– Из какой ты школы? Такой наглый!

– Но вы... разве не вы кричали: «Хватай его!»? – невпопад бормотал Цзя Ли.

– Да что за дела? Мы из одной семьи. У нас капризный сын, он разозлится и сразу убежит! – сказала женщина. – Я попросила папу догнать его!

Только тогда Цзя Ли вспомнил, как мимо молниеносно проскочил мальчик. Теперь его и след простыл.

Лу Чжишэн закрыл лицо рукой и, нервничая, сказал:

– Это все из-за того, что он с женской красной сумочкой бежал. Мы и подумали, что он ее украл!

– Я не могу помочь жене нести сумочку? – уверенный в своей правоте, сказал мужчина, как будто ношение сумочек было геройством. – Когда вырастете, вам тоже придется такие поручения выполнять.

Супруги в волнении убежали на поиски своего маленького баловня. Цзя Ли скривился и с презрением сказал:

– Ну что за молодец, еще и такой самодовольный, как будто высочайшей чести удостоился!

– Однако, – сказал Лу Чжишэн, – удар у него хорошо поставлен, он меня потрепал.

Цзя Ли вскинул голову и увидел, что Лу Чжишэн и впрямь получил легкие ранения. Кожа на щеке у него была поцарапана, крови не было, лишь несколько царапин, похожих на потертости на джинсовой ткани.

– Болит? – спросил Цзя Ли. – Давай я найду тебе обезболивающее.

– Терпимо, – со вздохом сказал Лу Чжишэн, всем видом давая понять, что терпит невыносимые муки.

– Вот незадача, не стали героями и чуть было трусами себя не выставили, – сказал Цзя Ли. – Но пусть это будет нашим мужским секретом. Тебе ведь не хочется выставить себя на посмешище?

– В мире уже не осталось таких болванов, – Лу Чжишэн иногда проявлял остроумие. – Ты как сумасшедший художник Сюй Вэньчан. Как, по-твоему, я буду объяснять, откуда у меня эти царапины?

– Да ведь можно сказать, что тот мужчина и правда был вором, и ты был ранен в драке, ну а я его взял. Как тебе такое?

– Ну и прекрасно, пусть даже я буду второсортным героем, – воодушевился Лу Чжишэн. – Слава и положение не так для меня важны.

– Не пойдет! – сказал Цзя Ли. – Все будут спрашивать о том воре. Как нам ответить?

– Это уже мелочи, придумаем!

Но именно эти мелочи доставили им немало страданий. Они никак не могли решить, как лучше обо всем рассказать. Стоило куда-то поехать отдохнуть, как Лу Чжишэн становился ходячим источником проблем. На сей раз он вопил, как безумно болят его раны, и даже подпрыгивал от боли. У учительницы, сидевшей на лужайке, была аптечка, но они не стали ничего у нее просить, потому что не придумали разумного объяснения, а эта старушка умела искусно допытываться до сути. Мальчишки, прячась от учителей, выбрались из парка и принялись искать аптеку.

Они прошли всю улицу. Там нашлись какие угодно магазины, кроме аптек, как будто люди в этом районе никогда не болели. Чем дальше они шли, тем более кривой была дорога и чувствовалась атмосфера пригорода, вдалеке даже были видны огороды. Лу Чжишэн отказался от затеи с аптекой:

– Ладно, сейчас моя царапина не так уж и болит, пойдем обратно в парк.

Как раз по пути им попался общественный туалет. Лу Чжишэн сказал, что это отличное место, чтобы все обсудить, и Цзя Ли с ним согласился. Внутри никого не было, и мальчишки расслабились, присели на корточки и стали гадать, как же им стать героями и прославиться.

– Э, – начал Лу Чжишэн, – давай скажем, что тот вор сбежал, и мы не смогли его распросить.

– Но это называется «упустить злодея», не так ли? – сказал Цзя Ли. – А герои такого никогда не допускают!

– А если сказать, что мы отвели его в участок?

– В какой такой участок? Тебя спросят, и что ты ответишь? – возразил Цзя Ли. – Вранье тоже бывает благородным и низменным.

– Так значит, моя жертва была напрасной? – с некоторой расчетливостью спросил Лу Чжишэн.

– Ну нет, ты так или иначе сегодня испытал вкус героического боя...

Не успел Цзя Ли договорить, как дверь отворилась. Вошел человек, худой, в черной одежде, и вихрем метнулся к ним, окликнул низким голосом, как привидение:

– Эй, привет! – выглядел он совершенно обычно, но улыбался недоброй улыбкой, от которой поджилки тряслись.

Оба паренька перетрухнули и инстинктивно встали, но не успели и глазом моргнуть, как тот человек вытащил самый настоящий нож и помахал им в воздухе, коротко приказав:

– Сядьте! Не двигайтесь!

Лезвие холодно сверкнуло, и мальчикам пришлось послушно сесть на корточки. Мужчина нагнулся, торопливо, будто поднимал какую-то вещь, стащил с руки Лу Чжишэна часы, перерыл карманы мальчиков и без всяких церемоний забрал все ценные вещи, еще и нагло размахивал перед их глазами ножом. В одно мгновение оба героя будто утратили мыслительные способности, только чувствовали, как невольно трясутся их ноги.

– Сидите десять минут! – свирепо сказал мужчина. – Иначе отведаете моего ножа!

С этими словами вор в несколько прыжков умчался прочь.

– Мы... мы не во сне? – сидя на корточках, осторожно спросил Лу Чжишэн. – Если я продолжу так сидеть, у меня ноги отнимутся.

Цзя Ли уже вскочил и застегивал штаны.

– Эй, мы за ним побежим или нет? Тот вор ускакал!

– У него нож. – Лу Чжишэн с усилием поднялся. – Ты меня до смерти не доведи!

– Если за ним не погнаться, мы понесем слишком большой убыток! – сказал Цзя Ли. – Вот мерзавец!

В решающий момент Цзя Ли забыл, что собирался становиться каким-то там героем, как будто такой мысли никогда не было в его голове. Он лишь разозлился, чувствуя, что его ужасно оскорбили. Им двигала жажда мести. Поэтому он просто не успел испугаться и помчался за вором. Лу Чжишэн тоже был готов рискнуть жизнью за друга. Хотя и был охвачен страхом, он со всех ног понесся за Цзя Ли.

О случившейся драке Цзя Ли было сложно говорить. Она была не такой уж героической, ведь он одновременно кричал: «Держите вора!» и гнался за ним. Вор разозлился и ударил Цзя Ли, и тот совершенно бесславно упал, почувствовал, что у него под ягодицами мокро, но из последних сил поднялся. В это время толстяк Лу Чжишэн во всю мощь своих легких звал на помощь. Наконец к ним выбежали фермеры с огородов.

Затем подъехали две полицейские машины и скорая, которая помчала мальчишек в больницу. Врач осмотрел их и сказал, что Цзя Ли получил ножевое ранение в ягодицу. Это показалось ему странным, ведь тогда он совсем не почувствовал боли. Он ощутил ее только после того, как ему дали лекарство. Врач велел Цзя Ли оставаться в больнице. Тот не мог ни сесть, ни лечь, и приходилось валяться на больничной койке ничком и думать, какой же этот воришка гнусный, как он мог ударить его ножом в такую часть тела!

На кровавые пятна на лице Лу Чжишэна наложили большую марлевую повязку. Медсестры спросили, как он получил рану, и тот не колеблясь ответил, что упал, пока гнался за вором. Это было довольно рациональное оправдание, и его приняли за чистую воду. Цзя Ли тоже не стал выдавать друга. Впоследствии Лу Чжишэн описывал эти царапины как напоминание о славном подвиге, еще и тон у него был таким утвердительным и наглым. Похоже, он уже много раз об этом рассказывал и сам поверил в собственное вранье.

Словом, Цзя Ли и Лу Чжишэн разом прославились, по школьному радио снова и снова упоминали их имена, а еще к ним приходили взять показания полицейские и вернули им украденные вещи. Цзя Ли провел неделю в больничной палате, и почти каждый день его навещали одноклассники. Лу Чжишэн тоже непременно приходил. Стоило другим заговорить о случившемся, как Лу Чжишэн, ликуя, всех перебивал:

– Эх, мы тогда хотели сразиться за народ со злом, прямо как Робин Гуд! И я не хвастаюсь: герой ты или трус, становится с первого взгляда понятно в критический момент, не так ли?

Девочки восторженно смотрели на Лу Чжишэна, как будто в больницу попал именно этот малый! Не кажется ли вам, что он слишком далеко зашел?

– Папина компания меня пригласила, чтобы я с докладом выступил! – не унимался Лу Чжишэн. – Это мой папа с ними связался.

Старина Лу стал папой героя, носился с этим повсюду, на самом же деле герой из его сына был весьма посредственный. Но у Цзя Ли не было никакого права высказаться, он мог только с жалким видом валяться на койке. Еще можно было бы горделиво держаться, если бы у него была рука на перевязи или хотя бы пластырем заклеена, – можно было бы говорить о героическом духе. Но он достоин лишь сожаления, стал позорищем, никому свою рану показать не может. Один лишь папа его понимал и тихонько спросил:

– Что ты чувствуешь? Тоже хочешь выступить с докладом?

– Нет никакого смысла, – от чистого сердца сказал Цзя Ли и уперся лбом в подушку. – Я не хочу, чтобы об этом узнало больше народу.

– Это тоже неплохое чувство! – сказал папа. А потом он по-товарищески улыбнулся сыну, чем Цзя Ли был приятно удивлен. Он приподнялся, и его рана ужасно заняла.

Когда Цзя Ли сняли швы, он тут же приступил к учебе. В школе еще не сошла на нет волна восхищения героями. Стоило Цзя Ли там появиться, как все, бурно жестикулируя, рассказывали об этом друг другу. Девчонки из художественного ансамбля, увидев Цзя Ли, обращали на него полные благоговения взоры. Цзя Ли почувствовал перемену в их отношении и даже с большей охотой принял бы их легкомысленные насмешки. Ведь их восторженные взгляды выводили его за пределы привычного.

А толстячище Лу Чжишэн все еще не наигрался, упорно нося на щеке марлевую повязку и всюду ею похваляясь. Однажды Цзя Ли вспылil и яростно оторвал эту повязку у него с щеки, сказав:

– Ну довольно!

Его царапины уже давно исчезли, и чистенькая щека словно ожидала, когда ее продемонстрируют другим.

Глава 7. Любящие сердца

«В последнее время мальчишки в нашем классе обсуждают один глупый вопрос, уж не знаю, с кого это началось. Славного в этом так или иначе немного, когда они об этом говорят, сразу пытаются понизить голос: эй, скажи-ка, какая девочка самая лучшая? Кажется, меня тоже кто-то спрашивал, но я к тому моменту еще не придумал, как ответить, поэтому на этом экзамене провалился, но сейчас немного сожалею об этом. На самом деле относительно девочек у меня есть ясная точка зрения».

(Из дневника Цзя Ли)

В окружении Цзя Ли было множество разных девочек, и ему пока было сложно решить, какая из них самая милая, но определенно не нравились девчонки, которым на все плевать, разодетые в распрекрасные кофты, модные брючки и огромные кроссовки, как у мальчиков, а еще ужасно надменные. Зимой Цзя Ли познакомился с новой девочкой, она была тихой, чистенькой, никогда не вмешивалась в разговор и любила погрузиться, как героиня известного китайского романа «Сон в красном тереме» Линь Дайюй.

У нее было прекрасное имя – Линь Пин, а сама она была прелестной и воспитанной. Она была из школы Цзя Ли, училась во втором классе средней ступени, на год старше. Прозвище она как раз и получила в честь древней красавицы Линь Дайюй. Цзя Ли несколько раз видел ее и украдкой улыбнулся ее наряду: она любила сиреневый и носила его с упрямством 30-летней женщины! Цзя Ли и подумать не мог, что в один прекрасный день подружится с ней.

Хоть это и звучит как начало романа, но познакомились они в больнице.

Более чем за месяц до китайского Нового года папа Цзя Ли попал в больницу. Он целыми днями и ночами писал рукописи и вдруг упал в обморок. Обследование показало, что у него острый миокардит, или, словами папы, вел себя хорошо, а сердце подвело – он в такой ситуации еще и острооты отпускал!

Линь Пин лежала в том же отделении, что и папа, и все словно шло к тому, чтобы они познакомилась с Цзя Ли. У девочки тоже была сердечная болезнь, но она как будто чего-то боялась и все время, свернувшись клубочком, лежала на больничной койке.

В тот день Цзя Ли, войдя в отделение, первым делом заметил именно ее, но только он собрался поздороваться, как она закрыла лицо журналом.

Цзя Ли подумал, что она похожа на загадку, такой таинственной была. Он внимательно прочитал ее имя, написанное на больничной койке.

С тех пор Цзя Ли то и дело забегал в больницу и каждый раз замечал, что Линь Пин горюет. У нее был первоклассный магнитофон. Когда в палату приходили посетители, и становилосьлюдно, она надевала наушники и что-то слушала. Возможно, это была какая-нибудь ностальгическая музыка вроде танго или саксофона. Словом, когда Линь Пин слушала музыку, она казалась очень печальной.

Цзя Ли очень хотелось ее рассмешить, но он, как и всякий мальчик, боялся потерпеть фиаско.

В тот день после учебы он увидел в ящичке на проходной письмо для Линь Пин. Он так обрадовался, что внутренне возликовал, незаметно подобрал письмо и устремился в больницу. Когда он вошел в палату, папа как раз увлеченно болтал с другим пациентом. Они выглядели как новоиспеченные друзья, поэтому не обратили на Цзя Ли никакого внимания. Тот улыбнулся и тихонько перебежал в соседнюю палату, где сказал Линь Пин:

– Эй, хочешь письмо?

– Ты ведь не почтальон! – немного сердито сказала она, слегка нахмутив брови.

Заинтригованный, Цзя Ли помахал конвертом, но она вдруг ловко выхватила его у него, повернулась спиной и стала читать. Кто бы мог подумать, что это письмо не подарит ей ничего, кроме печали. Она выглядела подавленной и еще долго сидела спиной к Цзя Ли, плечи ее подрагивали. Обернулась она лишь тогда, когда за ним пришел папа. В это время нянечка принесла ей еды. Она была такой старой, что даже разогнуться не могла. На ней был старомодный халат на завязочках, как у китайцев XIX века.

– Пинпин! Они сегодня вместе пообедали, я тебе покушать принесла!

Нет ответа.

– Пинпин, ну ты и упрямая! – заворчала нянечка. – Сама знаешь, какой человек твоя тетя. Будешь так убиваться – себе же хуже сделаешь.

По-прежнему никакого ответа, лишь видна гордая и одинокая спина Цзя Ли видывал тетю Линь Пин. Это была белолицая женщина в маленьких очках с толстыми линзами и накинутом на плечи меховом пальто. Наверное, когда она вечером выходила на улицу, ее принимали за пантеру. Вместе с ней в больницу приходил дядя Линь Пин – упитанный мужчина средних лет, одетый весьма изысканно. Они словно наносили племяннице визит вежливости: садились, произносили несколько фраз, доставали пакет с фруктами, ставили его на стол и уходили прочь. Словом, держались они так холодно, что после их ухода не оставалось ни капли тепла и вообще ничего, кроме фруктов.

Никто не трогал этот пакет, он так и лежал запечатанным. Кто-то из пациентов знал о жизненных обстоятельствах Линь Пин, говоря, что ее родители вместе с младшим братом отправились в поисках лучшей жизни за границу. Каждый месяц они присылали дяде Линь Пин щедрые алименты, а самой девочке всякие модные вещицы, но у нее сложный характер, она плохо ладит с другими людьми.

Она действительно была немного чудной. Цзя Ли пытался с ней поговорить, но отвечала она всегда с неохотой. Как-то раз мальчик сказал ей:

– Слушай, я знаю, каково это – болеть. Во рту все время горько, как от таблеток!

– Ты ведешь себя как маленький! Явно только-только в среднюю школу пошел, – сказала Линь Пин. Никакого уважения к другим!

После нескольких попыток поговорить с ней Цзя Ли наконец отказался от этой затеи и даже начал немного остерегаться. Неприветливые девочки ему не нравились. Он стал ходить в больницу раз в два дня, и то только для того, чтобы проведать папу.

В тот день Цзя Ли снова пришел к папе – тот выглядел бодро. Попад в больницу, он стал гораздо снисходительнее к Цзя Ли. Мальчик перебросился с отцом несколькими фразами, а затем он попросил его возвращаться домой и заниматься делами. Во дворе больницы Цзя Ли вдруг натолкнулся на укутанную теплым шарфом Линь Пин.

– Привет! – первой заговорила она.

Цзя Ли был приятно удивлен и поверить не мог, что это настоящая Линь Пин.

– В прошлый раз ты принес мне письмо от родителей, а я и поблагодарить забыла! – сказала девочка. – Я очень благодарна тебе.

– Ну что ты, что ты! – сказал Цзя Ли. Он, как и папа, не любил, когда его благодарят, словно ему дарили слишком дорогой подарок. – Друзья должны помогать друг другу.

Она засмеялась, причем очень мелодично. Интересно, почему же раньше не хотела? Как бы то ни было, так они стали друзьями.

Цзя Ли сообщил эту ошеломительную новость Лу Чжишэну:

– Представляешь, девочка из отделения моего папы заговорила!

– Что? Она была немой? – удивился Лу Чжишэн.

– Нет, конечно.

– Тогда что в этом такого? Со мной просто тысячи девочек разговаривают! – заявил Лу Чжишэн. – Некоторые даже первыми начинают!

Этот малый слишком самоуверен! Хорошо, что есть и другие посвященные в эту тайну. Когда Цзя Ли обсуждал в палате с Линь Пин современных китайских писателей и поэтов, папа и остальные пациенты с изумлением смотрели на них. Цзя Ли посчитал степень их удивления своим успехом. Папа хлопнул по плечу сына:

– Так и надо, ты сделал хорошее дело!

Мама сказала:

– Когда она улыбнулась, я прямо-таки выдохнула!

Вскоре после этого девочка близко познакомилась с семьей Цзя Ли. Маме мальчика Линь Пин очень нравилась, она всегда приносила ей что-нибудь вкусненькое. Каждый раз, когда это случалось, Цзя Ли очень гордился мамой. Стоя рядом с ней, он искренне думал, как он рад, что эта красивая и добрая женщина – его мама.

Настроение Линь Пин становилось лучше, на щеках загорался румянец. Но когда все оживлялись, она вдруг произносила:

– Какая же Цзя Мэй счастливая!

– Ты тоже счастливая, – говорила Цзя Мэй. – У тебя есть все эти модные штуки!

– Но, – отвечала Линь Пин, – нет того, чего особенно хочется.

– Что же это?

Линь Пин ничего не ответила, лишь, водя тонким пальчиком по одеялу, написала слово «дом».

Все погрузились в молчание, на мгновение оказавшись во власти необъяснимой тоски. Вот он, источник ее печали, но против него они бессильны. У Цзя Ли брови взметнулись вверх, и он сменил тему разговора, заговорил о чем-то веселом. Вернувшись домой с мамой и сестрой, они распахнули двери, и Цзя Ли громко закричал: «Мы дома!» Когда есть дом, можно спать спокойно.

Не успел Цзя Ли и глазом моргнуть, как приблизился Новый год. По его мнению, в этом празднике только и было хорошего, что красные конверты с деньгами – в Китае их обязательно дарят детям. Больше ничего, без чего нельзя прожить, в нем не было. Только подумайте: перед Новым годом царит полный кавардак, дома делают генеральную уборку, тебя гоняют туда-сюда со всякими поручениями, в кухню входить приходится боком, потому что там все завалено мясом, на полу лежит какая-нибудь мороженная курица или что-то вроде того. Мамочка из семьи У готовит целое море блюд и, словно хочет за что-то отомстить, подстрекает всех с ними разделиться.

Цзя Ли надеялся, что папа проведет Новый год в больнице, ведь тогда праздник будет отличаться от прошлых, появится какое-никакое чувство новизны. Но мама и Цзя Мэй ждали, что папа выпишется. Его лечащий врач придерживался традиционных взглядов, считая, что Новый год надо встречать в кругу семьи, поэтому поставил подпись на выписке.

В канун Нового года вся семья встретила папу из больницы. Линь Пин выглядела очень печальной и снова и снова спрашивала:

– Вы не будете меня навещать?

Мама ответила:

– Конечно! Я буду тебе вкусности носить!

Глазами, полными слез, Линь Пин поглядела на маму и бросилась ей в объятия.

– Не хочу оставаться в больнице, – плакала она, – я тоже хочу выписаться!

Лица у всех тут же посуровели. Папа пошел к лечащему врачу Линь Пин, следом побегал и Цзя Ли. Он чувствовал себя не в своей тарелке, когда рядом кто-то плакал. Любителям порыдать становится легче, когда они выплачутся, а те, кто не может этого сделать, хоронят печали в глубине сердца.

Лечащий врач Линь Пин был лысым, немного педантичным стариком, но глубоко разбиравшемся в искусстве врачевания. Узнав, с какой целью к нему пришел писатель, он погрузился в раздумья, а затем сказал:

– У больной врожденный порок сердца, от него нет специального лекарства, и приходится полагаться исключительно на отдых и покой. На настоящем этапе ее состояние стабильно, можно перевести ее на домашнее лечение.

– Великолепно! – воскликнул Цзя Ли.

Врач неторопливо сказал:

– Я обсуждал это с родственниками больной, но они полагают, что ее выписка повлияет на празднование Нового года в их семье, поэтому решили, что заберут ее домой уже после Нового года.

– Вот каменные! – завопил Цзя Ли. – Они даже не подумали, как Линь Пин несчастна.

– В мире всякие люди попадают! – заволновался папа. – У них нет ни малейшего понятия о любви.

– Очень жаль, – покачал лысой головой доктор. – Мы можем спасти сердце, но не можем судить, хороша ли человеческая душа!

Утром в канун Нового года папа, только что выписавшийся из больницы, снова вышел из дома со словами, что нужно еще раз съездить в больницу, как будто он там уже настолько обжился, что она стала его домом, и он временами скучает по белоснежным больничным простыням. Цзя Мэй сказала:

– Передай там Линь Пин, что вечером я приду ее проведать!

Как будто она была единственным другом Линь Пин!

Цзя Ли был не в духе, думая о том, как грустно будет Линь Пин слышать в новогоднюю ночь за стенами больницы взрывы хлопушек. Если бы можно было всей семьей провести новогоднюю ночь в палате, до чего бы было хорошо! Это была глупейшая идея. Цзя

Ли еще раз хорошенько ее обдумал. Старый охранник в стационаре свиреп, как гроза!

Папа вернулся в полдень и, сияя, сказал:

– Эй, вечером к нам на Новый год придет важный гость! Просто прекрасно!

– Уж не учитель ли Чжа придет беседовать о пьесах? – перебил Цзя Ли.

– Этот гость будет с нами за новогодним столом, проведет у нас дома ночь, и только утром вернется к себе.

– Вы хотите весь день и всю ночь болтать о Шекспире?

– Да ну тебя! Иди-ка и напиши на маленькой доске приветственные слова! – распорядился папа.

– Что писать? – с ленцой отозвался Цзя Ли. – «Дискуссия по пьесам Шекспира»?

– Просто напиши: «Добро пожаловать, Линь Пин!»

Ну и ну! Вся семья разом оживилась. Цзя Ли схватил две крышки от кастрюли и хлопал ими, как музыкальными тарелками.

Оказывается, папа с утра ходил к дяде и тете Линь Пин, чтобы те согласились на выписку племянницы, но получил отказ. Тогда он отправился на битву в больницу и растрогал лысого доктора. Тот сказал:

– Сегодня ночью мое дежурство, я даю вам пропуск!

Этот доктор – великий человек! Цзя Ли очень захотелось пожать ему руку.

Вечером вся семья забрала Линь Пин из больницы. Хоть охранник стационара и был свиреп, но он послушался указаний доктора, поэтому все прошло гладко.

Стоило Линь Пин переступить порог дома Цзя Ли, как она погрузилась в веселье: бум! бум! бум! – вся семья простучала для нее приветственный марш. Цзя Ли повесил пояснительные записочки на дверях комнат: «Мужское общежитие» и «Женское общежитие».

Этот Новый год они встретили очень радостно, но веселье всегда проходит в мгновение ока. Зачастую ты даже не успеваешь его толком распробовать, как уже и след простыл. Линь Пин и Цзя Мэй за вечер неожиданно стали близкими друзьями. Они все время перешептывались о своих чисто девчачьих делах. Потом к ним присоединилась и мама, и они засели в женском общежитии, где принялись судачить о том о сем, совершенно позабыв о двух жителях мужского.

Лежа в постели, Цзя Ли прислушивался к смеху за стеной. Ему хотелось бесстыдно ворваться в женское общежитие или бросить туда хлопушку.

Наутро Линь Пин вернулась в больницу. Она выглядела воодушевленной и говорила, что собирается написать родителям о встрече этого Нового года. Ее сопровождала Цзя Мэй, и они были похожи на близняшек.

После этого Цзя Ли несколько раз навещал Линь Пин, но содержание их бесед изменилось. Девочка постоянно упоминала его сестру, а Цзя Ли стал для нее лишь братом подруги. Она ему сказала, что уже давно знала о нем: кто-то представил его со словами, что Цзя Ли, ученик первого класса средней школы, идет против классного руководителя, поэтому она прониклась к нему уважением.

Теперь, когда он поладил с учителем, Цзя Ли хотел спросить, считает ли она его героем до сих пор?

Опасаясь, что ответ будет отрицательным, он отложил вопрос до лучших времен.

В конце концов Линь Пин забрали родители. Возможно, этому способствовало ее длинное письмо, которое пробудило в них глубоко спрятанные чувства. После того как Линь Пин уехала, она написала Цзя Ли и Цзя Мэй несколько писем, где говорила, что никогда не забудет тот новогодний праздник.

«Все рано или поздно заканчивается», – думал Цзя Ли. Это совершенно нормально. Но всякий раз, когда он видел нежную, склонную к грусти девочку, тут же вспоминал Линь Пин, пусть даже, возможно, она его уже и забыла.

Глава 8. Неприятности с выборами

«Иногда я напоминаю себе подушку: на нее все кладут свои головы, но она не может понять, о чем же все они думают. Если кто-то изобретет устройство, распознающее, что у других на уме, я накоплю денег и куплю себе такое»

(Из дневника Цзя Ли)

Началось второе полугодие. Сразу после возобновления учебы события следовали одно за другим. Ребята стали учиться в новом классе, им выдали свеженапечатанные книги, одно-классники тоже изменились до неузнаваемости, особенно некоторые девочки – они выросли прямо как на дрожжах. Интересно, если так будет продолжаться, возьмет ли их к себе национальная баскетбольная команда? Цзя Ли очень хотелось туда написать, потому что в классе заметно прибавилось девочек-«велика-нов», и они стали гораздо энергичнее.

Председатель совета школы в конце прошлого семестра перевелся, поэтому, как только начался новый, по классам отправили избирательные списки, чтобы каждый из них выбрал кандидата на должность нового председателя. Классный комитет стал расспрашивать о предпочтениях, но все отвечали, что им все равно, потому что в этом списке ни одно имя им не знакомо. Некоторые даже шутили, что выберут в председатели поэтессу Си Мужун, потому что она красиво пишет.

Наконец все сошлись на том, что решать должен классный комитет.

В два часа дня комитет договорился собраться в классе, но к этому времени в пустом кабинете сидел только Цзя Ли. Если бы они были в армии, их отправили бы на гауптвахту! В два часа пять минут сосед принес записку от Чэнь Инда с просьбой об отгуле, в которой тот просил выступить от его лица и даже не спрашивал, хочет ли кто-нибудь сделать это. Ох уж этот любитель вгрызаться в английские книжки!

Три девочки из классного комитета, говоря по правде, отличились лучше, чем Чэнь Инда. Они пришли в 13:45, но через несколько минут их привлекли звуки за окном – там кто-то ел и пил. Новый класс Цзя Ли располагался недалеко от школьной ограды, а за ней проходила узенькая улица. Автобусы там не ездили, так что в целом она была очень спокойной. Но в этом году на зимние каникулы на улочке открыли новый магазинчик, где продавали разные небольшие электроприборы и вещи, пользующиеся у покупателей большим спросом, в том числе и немало еды на любой вкус.

– Вот неплохая рубашка, ткань отлично дышит, отдам за 32...

– Можно эту розетку подешевле?

Именно эта реклама и отвлекла тех девочек из классного комитета. На сей раз они в кои-то веки действовали согласованно.

Лишь в 14:20 в школьный двор, покачиваясь, въехал Лу Чжишэн на велосипеде и с большой сумкой. Девочки, налюбовавшись на товары, с раскрасневшимися лицами вернулись в класс, и обсуждение началось. Лу Чжишэн, обхватив себя за локти, с загадочным видом сказал:

– Эй, послушайте, надо выбрать Лу Яньцин!

Это имя и правда значилось в списке кандидатов.

– Как несправедливо, выбирает свою родню! – рассмеялись девочки.

Лу Чжишэн ликующе сказал:

– Именно! Она моя двоюродная сестра, но все равно, что родная. Давайте за нее проголосуем?

– Это почему еще? – спросил Цзя Ли. – Ты думаешь, что она хороша, а мы, может, другого мнения.

– Она хороший человек, у нее есть все мои плюсы.

– Если она на тебя похожа, что-то маловато у нее этих плюсов, – перебил его Цзя Ли, чтобы тот чересчур не возгордился.

– Да что вы нудите? – активно жестикулировал Лу Чжишэн. – Она правда хороша. Вот вы с ней пообщаетесь и согласитесь со мной. Если не верите, давайте поспорим!

Девочки сначала покачали головами. Они часто возражали против предложений мальчиков и хотели выбрать капитана мужской баскетбольной сборной школы, учащегося старших классов, чем-то похожего на певца Криса Филлипса.

Лу Чжишэн молча распахнул свою большую сумку и вытряхнул несколько плиток шоколада в роскошной обертке:

– Эй, я угощаю. Это дорогой шоколад.

Каждому досталось по плитке. Девочки удивились:

– Ого, ну и щедро! А почему ты нас угостил?

Лу Чжишэн никогда и ни с кем не церемонился. Он с улыбкой сказал:

– Берите, если проголосуете за Лу Яньцин!

Этот парень был не промах! Используя свое мышление дельца, он предложил шоколад как взятку. Если бы Цзя Ли уже не откусил кусочек, точно невольно швырнул бы ее в лицо Лу Чжишэну.

Лу Яньцин в конце концов не выбрали. Причина была интересной: какой-то из седьмых классов проголосовал за нее, но в графе «Обоснование выбора» ясно отметил: «Потому что ее брат угостил нас шоколадками». Такие скандалы ни к чему хорошему не приводят, поэтому, хоть Лу Яньцин и набрала много голосов, ее назначили всего лишь на должность главного редактора газеты ученического совета, а вот прославленного баскетболиста все же выбрали председателем.

Лу Чжишэн метал громы и молнии и назвал Цзя Ли плохим другом. Видя, что тот по-настоящему вышел из себя, Цзя Ли извинился. Некоторые поступки совершаются в порыве гнева, и обвинить в них совершенно некого – если бы Лу Чжишэн не прибежал к мелким интрижкам и не принес этот проклятый шоколад, Цзя Ли наверняка отдал бы голос за его сестру, потому что красавчик-баскетболист не производил на него никакого впечатления.

Узнав о поступке Лу Чжишэна, сестра хорошенько его отругала. Ему как раз не хватало хорошей взбучки, так что она была весьма вовремя! Когда Цзя Ли вновь и вновь сталкивался с Лу Яньцин, ему хотелось сбежать как можно дальше, ведь день за днем она казалась ему все замечательней. К тому же главный редактор Лу нисколько на него не обижалась и при встрече называла коллегой! Говоря по правде, Цзя Ли мучился, вспоминая свое обоснование выбора. Вскоре его настигло еще большее раскаяние, потому что их класс попал в большую беду, а она раскрыла прекрасные моральные качества Лу Яньцин.

В последние дни торговля в магазинчике за оградой школьного двора шла очень бойко. Там вдруг стали продавать аппараты караоке, и от клиентов не было отбоя. При покупке нужно было протестировать его, поэтому всевозможные голоса стали демонстрировать в микрофон свои певческие способности. Само собой, ученикам в классе это мешало.

На уроке учитель Чжа зачитывал стихотворения древнекитайской поэтессы Ли Цинжао, с печалью цитируя, что героиня «тоньше была, чем стебель цветка», а из-за окна доносилось пение, заглушая его голос и прогоняя все возвышенные помыслы:

«Сестричка, смело вперед иди, назад ты не гляди!»

Как только это грянет за окном, весь класс хохочет: то ли над этим напевом, то ли над тем, как он нарушил серьезную атмосферу в классе. Словом, за неделю во всех проснулись

какие-то музыкальные гены, и весь класс на зубок выучил слова глупых популярных песен. Но когда он сдавал домашние задания, учителя почему-то очень злились!

Учитель Чжа несколько раз требовал поменять им кабинет, но в школе не было свободных, к тому же страдали целых пять классов, а тот, где учился Цзя Ли, принимал удар первым.

– Ребята, соберитесь! – пытался приободрить их учитель Чжа. – Конечно, и мне сила воли не помешает!

К сожалению, это ни к чему не приводило. Улочка все больше становилась похожей на рынок, к тому же там еще и целыми днями ели и пили.

На собрании классного комитета Чэнь Инда высказался первым: если проблема с шумом не будет решена, он переведется в другую школу. Конечно, такого отличника, как он, в любом месте встретят с распростертыми объятиями. Но как быть остальным сорока ребятам?

Цзя Ли сказал:

– Мы не можем попросить их не продавать караоке?

– Это магазинчик, открытый фирмой по продаже электроприборов, – сказал Лу Чжишэн. – Мой папа знает их главного.

Все попросили Лу Чжишэна позвать на помощь старину Лу. Но тот ответил очень просто: никак нельзя, у них есть свои экономические цели, и запретить им торговать – значит отнять кусок хлеба!

Потом стало известно, что администрация школы уже вмешивалась в это дело, но не добились никаких результатов.

– Пусть они переезжают, ладно? – так говорили все, от старших до младших классов, но в глубине души боялись, и голоса их звучали нерешительно, потому что противником была богатая и влиятельная компания.

Так прошла еще неделя. Учителя и ученики мучились – шум слишком мешал. Если они продолжат занятия в этом классе, на итоговых экзаменах половина учеников точно получит исчерканные красной ручкой бланки. Поговаривали, что Чэнь Инда уже решал вопрос с переводом в другую школу и собирался стать первым дезертиром.

Комитет класса обратился за помощью к ученическому совету, но от лихого капитана баскетбольной команды дождались только протокольных фраз:

я доделаю свои срочные дела и займусь вашей проблемой! Срочные дела, видимо, никак не заканчивались, хотя он снова и снова повторял:

– Я на вашей стороне.

Цзя Ли, выйдя с ученического совета, вспылil:

– Да к чему его умолять? Он вообще нас за людей не считает, только и гоняется за своей дешевой популярностью!

Девочкам из классного комитета стало немного стыдно, потому что они до сих пор относились к баскетболисту с благоговением. Им было не важно, как этот великолепный капитан ведет дела, они обращали внимание лишь на его вид и манеры.

К счастью, в тот день Лу Яньцин верстала в ученическом совете газету и услышала жалобы Цзя Ли. Днем она пришла в их класс послушать, насколько все плохо. Она качала головой и сжимала руки в кулаки. После уроков она поучаствовала в обсуждении классного комитета и вместе со всеми набросала текст обращения к учителям и учащимся школы с просьбой оказания моральной поддержки.

Через день в школьной газете был опубликован его полный текст, и проблема класса Цзя Ли вызвала мощный резонанс. Учителя и ученики написали совместное письмо, которое подписал директор. После этого в школу пришли журналисты из редакции, кратко изложили в своей газете это письмо и добавили подзаголовок: «Ученики не должны страдать!» Наконец в один прекрасный день пение в магазинчике прекратилось, а на двери появилось объявление

ние: магазин переезжает на такую-то улицу номер дома такой-то, ждем наших старых и новых покупателей.

Победа! Все кричали и прыгали от радости.

После уроков Лу Чжишэн с довольным видом сказал Цзя Ли:

– Ну что, Лу Яньцин – героиня?

– Возможно, – сказал Цзя Ли. – Но теперь мне даже грустно, что магазин переезжает.

– Почему? Ты с ума сошел? – сурово сказал Лу Чжишэн.

– Я за это время уже привык учиться под поп-песни, – расстроенно ответил Цзя Ли. – Сегодня музыка не звучит, и в голове у меня пустота!

– И правда, – сказал Лу Чжишэн, – мы каждый день слушали новые песни, можно было восхищаться ими, а то и поскандальить! Как легко и свободно, есть по чему скучать!

Никто и подумать не мог, что этот инцидент так просто не уляжется.

Во время сноса магазина стоял страшный шум. Мальчишка из класса Цзя Ли по имени Линь Усян вышел во время урока физкультуры поглазеть на сумятицу и попал под снаряд – ему на голову упал кирпич. Он тут же потерял сознание, и его на скорой увезли в неотложку.

Родители Линь Усяна были слепыми, и, постукивая красно-белыми тросточками, пришли плакать в школу, выглядя беспомощными.

Тон общественных суждений разом переменялся. Многие стали обвинять классный комитет за то, что он совал нос не в свои дела. Мол, если бы тот магазин не переезжал, не случилось бы трагического события. Говорили еще, что Цзя Ли гоняется за популярностью!

– У них с мозгами все в порядке? – с презрением вопрошал он. – Похоже, кирпич повредил именно их черепушки.

Втянули в скандал и девочек из классного комитета. Теперь они постоянно были не в духе и ходили, надув губы.

Лу Чжишэн поначалу занимал сторону Цзя Ли:

– Это два разных события!

Затем положение усугубилось. Говорили, что у Линь Усяна будут тяжелые последствия, и Лу Чжишэн заволновался:

– Скверно дело! Ты уж не глупи! Он единственный ребенок в семье, как они без него?

Цзя Ли мучился угрызениями совести. Впервые он понял, как сложно делать хорошие дела. Он с Лу Чжишэном вызвался ухаживать за родителями Линь Усяна, но те отказали. Вот некультурные, думают, что их сын пострадал, и из-за этого сердятся!

После этого многие ребята, не разобравшиеся в случившемся, презрительно смотрели на Цзя Ли всякий раз, когда встречались с ним, как будто он был вредным и дурным человеком и думал только о том, как бы оказаться в центре внимания.

Цзя Ли глубоко страдал. Каждый день он ложился спать уже в половину девятого, представляя Линь Усяна с окровавленной головой, а ночью ему снились кошмары. В то время папа как раз отправился в поездку познавать жизнь людей вокруг. И мама Цзя Ли, невольно сочувствуя сыну, но не в состоянии помочь, постепенно прониклась его тоской. Она тоже потеряла сон и страдала не меньше Цзя Ли.

А вот Цзя Мэй оказалась настоящей оптимисткой. В таких условиях она все еще могла беззаботно повсюду бегать, крепко спать и разглагольствовать о наборе веса.

Мама несколько раз ходила в школу. Администрация ни в чем не винила Цзя Ли. Учитель Чжа сказал:

– Если уж выступать за переезд магазина было ошибкой, часть ответственности лежит и на мне! Но на самом деле это не было ошибкой. Эти события никак не связаны между собой.

Тем не менее многие считали иначе, как будто между этими происшествиями протянулись незримые нити, и недовольство Цзя Ли росло. Непрерывно поступали новости о здоровье Линь Усяна: он все так же находился в шоке. Врач говорил, что, возможно, мальчик останется

наполовину парализованным. Потом и сам Цзя Ли попал во власть этой иллюзии. Услышав имя Линь Усяна, он краснел до корней волос, а его голова раскалывалась.

– Ах, если бы я знал, что Линь Усян так покалечится, предпочел бы всю жизнь жить в этих шумах! – обиженно сказал Цзя Ли и громко разрыдался. Как ни убеждай их, они не слушают!

Хуже всего было Лу Яньцин. Многие ее обвиняли, в том числе и лихой председатель ученического союза, который забыл сказанные им самим слова: я на вашей стороне!

Маме Цзя Ли пришлось позвонить его папе и попросить о помощи, поскольку помыслы и понимание мира у писателя, как у генерала. Он позвал к телефону Цзя Ли и задал лишь один вопрос:

– Если тебе будет все удаваться, зачем еще стараться?

Тут Цзя Ли озарило. Он почувствовал, что папа похож на старое дерево, пережившее и ветер, и дождь, а потому умеющее быть спокойным в бурю. Цзя Ли тоже захотел стать такой умудренной опытом личностью.

Завершилось все неожиданно просто.

Цзя Ли, узнав, что Линь Усяну будут делать операцию, набрался смелости и совместно с комитетом класса написал обращение с призывом пожертвовать денег и оказать тем самым материальную помощь. Этим шагом он взял верх над всеми, кто шептался за его спиной, и получил широкую поддержку. Даже директор присоединился к ним со словами: «Я тоже немного пожертвую!» Операция прошла успешно, и после реабилитации Линь Усян вернулся в школу. Цзя Ли специально подкинул ему несколько уравнений, и тот отвечал без запинки, будто ничего не случилось, только был бледнее, чем раньше.

В тот день в классе устроили торжество по этому поводу, которое учитель Чжа назвал «Праздник двойной радости». Он всегда был немного поэтом и теперь в приподнятом настроении вещал:

– Мы и от шума избавились, и Линь Усяна дождались целым и здоровым. Это двойная радость. Похоже, китайским детям приходится о многом беспокоиться, но им еще и очень повезло, потому что они меняют мир. Будьте стойкими, дети!

Все горячо зааплодировали. Многие родители, приглашенные на праздник, растроганно плакали. Хотя мамочку из семьи У никто не приглашал, она явилась сама и плакала пуше всех.

После праздника Цзя Ли нашел Лу Яньцин, которая участвовала в торжестве как специально приглашенный корреспондент школьной газеты.

– Привет, коллега! – сказал он.

– Привет, – Лу Яньцин тоже помахала ему рукой, – коллега!

Они улыбнулись друг другу, а потом Цзя Ли, набравшись смелости, сказал:

– В следующем году... я обязательно проголосую за тебя на выборах председателя ученического совета. Я теперь знаю, какой человек должен быть на этой должности.

– Спасибо, коллега, – Лу Яньцин снова улыбнулась. – Но я не могу ради этого остаться в школе на второй год. В июле я буду поступать в университет.

Цзя Ли немного опечалился. Возможно, истинный вкус жизни всегда многогранен. Толстяк Лу Чжишэн воспользовался случаем, чтобы похвалиться, и легкомысленно сказал:

– Я же говорил, у меня острый взгляд, и не ошибся!

Как бы там ни было, никто не может видеть способности в незнакомом человеке, уж это истинно!

Глава 9. День рождения

«Сказать по правде, мне не очень нравится отмечать день рождения. В марте распускаются цветы, и это время больше подходит для празднования сентиментальным девочкам. К сожалению, я не могу самовольно поменять дату рождения. Когда я пригласил Лу Чжишэна на свой день рождения 5 марта, он недоуменно спросил: „А чей день рождения?“ – „Не чей, – мрачно ответил я, – а мой“.

Лу Чжишэн усмехнулся и сказал: „Ого, как близко от женского праздника Восьмого марта!“ Это был самый дружеский его ответ!»

(Из дневника Цзя Ли)

В этом году день рождения вышел блестящим. В прошлом же праздник был детским, с большим тортом, супом с лапшой и всеобщим походом в кино, словом, совершенно обычным. Но сразу после китайского Нового года брат с сестрой выступили за радикальные перемены.

– Ученики средней школы должны сами организовывать себе день рождения! – заявил Цзя Ли.

– Да, можно или пикник устроить или пойти в европейский ресторан, – Цзя Мэй тут же предложила конкретные варианты.

И верно, Лу Чжишэн, отмечая свой день рождения в конце года, забронировал два столика в ресторане, пригласил родственников и друзей. Хотя в празднике не было ничего необычного, именинник весь день был главным действующим лицом.

Однако папа покачал головой и сказал:

– Зачем такая шумиха на дне рождения ребенка? Ох уж эти нравы!

Тогда брат с сестрой обратились к маме. Папа всегда был неприступной крепостью, оставалось брать штурмом маму. Например, когда покупали кроссовки, папа согласился только на покупку кед за семь-восемь юаней. А когда он уехал в командировку, брат с сестрой предложили маме неделю есть только овощи, а на сэкономленные деньги купить модные кроссовки «Вулф». В итоге мама не только кроссовки им купила, но и не лишила ни рыбы, ни мяса. Когда папа вернулся, он только и сказал ей:

– Что же ты такая непринципиальная!

Потом эта история ушла в прошлое, и он нечасто вспоминал ее.

Поэтому на сей раз они тоже вызвали на разговор только маму. Цзя Мэй была хитрющей девчонкой. Она взяла ее за руку и говорила томным голосом кокетки. Под натиском детей мама согласилась обсудить вопрос с папой.

За ужином он торжественно объявил, что согласен на новые принципы организации дня рождения, но запрещает расточительство. Можно пригласить одноклассников домой на праздничный ужин, но брат с сестрой должны отмечать день рождения вместе, а не по отдельности. Что до денег, которые выделяют родители, брат с сестрой несут за них совместную ответственность. Цзя Мэй ведает деньгами, а Цзя Ли – покупками. Каждый пункт расходов они должны согласовывать.

Цзя Ли был крайне недоволен. Мальчикам нужно больше денег, чем девочкам. К тому же если друг от друга зависеть, что это за день рождения такой? Это больше похоже на дружескую встречу близнецов. Цзя Ли отвел сестру в сторону и сказал:

– Заключим джентльменское соглашение, хорошо?

– Я быть в убытке не собираюсь! – Цзя Мэй была настороже.

– Давай так: в этом году я один отпраздную день рождения, деньги ты отдашь мне, а в следующем году отпразднуешь ты!

– Ну нет, с чего это я должна в этом году не праздновать?

– Ну и упрямая! – резко сказал Цзя Ли. – В следующем году ты отыграешься!

– А вот и нет! – отклонила предложение сестра. Она была не рада выполнять обязанности бухгалтера праздника – придется деньги по пять раз на дню пересчитывать!

Только невежественные люди тревожатся о текущем моменте. Но куда уж знать об этом сестре!

Они стали составлять список приглашенных. По мнению Цзя Ли, чем больше людей пришло бы, тем лучше. Он жалел, что не может пригласить всех знакомых, потому что родители ограничили их в этом и заявили: каждый приглашает десять гостей.

Цзя Ли, ползая по полу, замерял площадь, расставлял табуретки и в результате этих вычислений пришел к выводу: поместятся 24 человека. Ровно две дюжины. Нужно только ввести квоту на толстяков, иначе комната будет переполненной.

– 24 человека? – переспросил папа. – Тесновато, плохо получится!

– Совсем не тесно! – сказал Цзя Ли. – 24 человека не будут постоянно в комнате сидеть. Кто-то в туалет выйдет, кто-то встанет – так можно сэкономить много места. К тому же во время представления шестерых можно посадить на кровать и освободить пространство для большой сцены.

Папа с мамой с улыбками переглянулись и сказали:

– Мы сможем в этот день полюбоваться представлением! Но помни: 24 человека, включая нас! Ни на одного больше!

Для родителей Цзя Ли все это было огромным испытанием: когда они, преисполненные радости, поглядели в списки приглашенных гостей, составленные сыном и дочерью, себя там не нашли. А они-то думали, что их имена будут в обоих списках! До чего непостижимо!

Писатель кашлянул:

– Подумайте-ка еще разок, не забудьте какую-нибудь важную фигуру пригласить.

Мама добавила:

– Да, не упустите чего-то из виду, подойдите к делу всеобъемлюще.

Цзя Мэй сказала:

– Я весь день и всю ночь гостей выбирала.

Цзя Ли дополнил:

– Тут ошибки быть не может, это самые лучшие мои одноклассники!

Писатель огорченно улыбнулся:

– Может, нужно пригласить взрослых друзей, родителей или учителей?

– Я против! – без колебаний сказал Цзя Ли. – У нас слишком жесткие ограничения.

Наконец Цзя Мэй сообразила, в чем дело, и сказала:

– Папа с мамой могут подождать в запасе. Если кто не придет, можете их заменить. Но обычно приходят все!

– Нет уж, извините, мы этого принять не можем, – папа, гордо вскинув голову, повел жену из маленькой комнаты. – Четырнадцать лет мы ни разу толком не отдыхали, и уж на сей раз сами отпразднуем!

– Что отпразднуем? – горько прошептала мама. – Нас предали забвению!

– Это неизбежная закономерность! – разочарованно пробормотал папа. – Просто по нам она ударила раньше!

Было абсурдной затеей организовывать один день рождения на двоих, даже если это близнецы. Все может пойти наперекосяк! Цзя Ли казалось, что сестра все время его обременяет. Во-первых, в ее списке были сплошь девочки, а Цзя Ли пригласил еще двух, что искажало пропорцию. Не хватало только девчачьего царства!

– Так не годится. Тебе нужно добавить двух мальчиков, чтобы всех было поровну. Равенство мужчин и женщин должно соблюдаться и на дне рождения! – сказал Цзя Ли. – Посмотри, я добровольно приглашаю двух девочек!

– Тогда, – недоуменно сказала сестра, – скажи, кого мне вычеркнуть?

Цзя Ли еще раз просмотрел ее список. Хм, одни только девчонки из художественного ансамбля. Цзя Мэй как будто собралась их позвать, чтобы заполнить пустоту. Если Цзя Ли будет звать таких случайных знакомых, он одним взмахом руки наберет еще дюжины две!

– Убери-ка Линь Сяомэй и еще какую-нибудь девочку!

Линь Сяомэй на прошлом провальном спектакле играла главную роль. Она во всем следовала моде. А когда моросил дождь, не раскрывала зонтика и ходила, задрав голову к небу и засунув руки в карманы. Цзя Мэй ее боготворила, повторяла в дождливые дни этот трюк и домой приходила, похожая на общипанную курицу!

Цзя Мэй не стала ни спорить, ни скандалить, ни вообще что-то говорить. Сохраняя спокойствие, она всем позвонила и занялась подготовкой цветных бумажных обрешков.

– Эй, еще нужно свечи подобрать, – распорядился Цзя Ли. – И о пустых кассетах забыть нельзя – на них мы запишем поздравления от каждого гостя. А еще надо освободить место под подарки – чтобы оно непременно привлекало внимание.

– Ты почему сам ничего не делаешь? – недовольно вопрошала Цзя Мэй. – Я устала до смерти.

– Я занимаюсь управлением, разве это не трудно, по-твоему? У меня умственный труд, у тебя – физический.

– Давай тогда я управлением займусь! – сказала Цзя Мэй. – Я подхожу для умственного труда.

– Да ну! – парировал Цзя Ли. – Для этого надо обладать руководящими способностями!

И тут громко зазвонил телефон. Цзя Ли побежал отвечать.

– Алло, кому звоните? – выпалил он.

– А вот тебе и звоню! – ответили ему звонким голосом, принадлежащим уж точно кому-то красивому.

– Ты кто?

– Я Линь Сяомэй! Слышала, ты хочешь пригласить меня на день рождения. Так вот, звоню сообщить хорошую новость: я непременно приду вовремя!

Вот так недоразумение! Как это случилось? Цзя Ли только и смог сказать:

– Возможно, тебя пригласила моя сестра! Позвать ее к телефону?

– Нет, я именно тебе звоню, и если ты лично меня пригласишь, буду рада еще больше!

Словом, разговор был длинный. Цзя Ли потом прикрыл дверь, говорить стал тише, ворочая поглядывая вокруг. Цзя Мэй ни во что вмешиваться не стала, ведь она прекрасно знала, о чем говорят Цзя Ли и Линь Сяомэй. Именно она все и затеяла.

У Линь Сяомэй была интересная способность – ни один мальчик не мог ей отказать. Вот и этот раз не стал исключением. Цзя Мэй уж никак не стала бы ей завидовать.

И правда, когда Цзя Ли положил трубку, тон его совершенно переменился:

– Эй, вычеркни другое имя, а Линь Сяомэй оставь!

– Ну нет, я уже добавила других людей, если еще и Линь Сяомэй пригласить, она окажется лишней!

– Ты обязана пригласить Линь Сяомэй!

– Почему это? – спросила Цзя Мэй. – По какой причине?

– Это приказ! Ослушаться нельзя! – Цзя Ли, разозлившись, чтобы скрыть смущение, взмахнул кулаком.

Из кухни долетело ворчание мамочки из семьи У:

– Ну и беспорядок, ну и беспорядок! Такие малыши и празднуют день рождения? Еще и гостей приглашают – ну не лишнее ли? Конечно, лишнее!

«Ну хоть и беспорядок, – вдруг ответила сама себе мамочка У, – а ведь тоже своего рода развлечение. Почти как караоке».

Говоря словами Лу Чжишэна, день рождения получился первосортным, мирового класса. Но у этого парнишки была характерная черта – он любил впустую пыжиться. На мировой класс Цзя Ли не претендовал, но день рождения и правда превзошел его ожидания.

За день до празднования пришли недобрые вести: 6 марта утром в школе будет проводиться единая контрольная по математике – она словно по пятам следовала за их днем рождения! Цзя Ли заволновался. Определенно часть гостей запрется дома и зароется с головой в задачи, как, например, Чэнь Инда – мастер повторения.

5 марта после уроков Цзя Ли выбежал из класса. Он совершенно не хотел, чтобы друзья вернули ему приглашения. Не стоит предоставлять им такой возможности. Дома мамочка У уже приготовила двадцать четыре закуски. На кухне было пестро, мельтешило в глазах. Папа с мамой обсуждали, стоит ли взять с собой зонтик.

Мамочка У сказала:

– Вы лучше дома оставайтесь, а то эти маленькие бандиты тут переполох устроят!

– Ну уж нет, – сказал писатель, – разве не хуже, если в этом переполохе еще и двое взрослых поучаствуют!

Родители повели себя достойно, и, сдержав слово, ушли. Цзя Ли так и не узнал, в каком направлении. Потому что, даже если бы они отправились посмотреть Египетские пирамиды, Цзя Ли все равно предпочел бы остаться дома.

Мамочка У, однако, не отличалась таким чувством ответственности, какое было у папы с мамой. Она медлила, не желая уходить. Потом появился Лу Чжишэн. На приглашении было указано приходить в шесть, но он всегда являлся на полчаса раньше. Таким ранним пташкам нужно на приглашениях писать время на полчаса позже. Однако на сей раз он оказался очень даже прозорливым. Лу Чжишэну дали поручение сделать вид, что он хочет зайти в гости к мамочке У, и тем самым уважаемую женщину наконец выставили за дверь.

Цзя Ли, стоя перед зеркалом, тренировался танцевать диско, но в глубине души страшно волновался и настойчиво говорил Цзя Мэй:

– Эй, когда придут гости, встань за моей спиной!

– Почему?

– Я твой старший брат, запомни это хорошенько!

Но это правило соблюсти не вышло, потому что, говоря по правде, гости ввалились гурьбой, а войдя, каждый занялся тем, чем хотел, Цзя Ли собирался станцевать сольный танец диско, но как только зазвучала музыка, танцорами стали все. Те, кто не поместился в комнате, танцевали в коридоре, даже туалет был оккупирован.

Среди гостей была одна самая красивая девочка. Она часто улыбалась Цзя Ли и казалась ему очень знакомой, только вот он не мог вспомнить, что когда-то дружил с такой красавицей. Перед ней даже красота Линь Сяомэй меркла!

– Цзя Ли, – сказала она, – ты очень изменился!

Что? Она еще его и знает, как давняя подруга какая-то! Цзя Ли спросил:

– Ты из какого класса?

Он подумал, что непременно запомнит ее ответ. Девочка улыбнулась:

– Я Хун Чан.

Бог ты мой, Хун Чан! Она теперь ни капли не похожа на «жирнуху» или «Кармен»! Если уж подбирать ей прозвище, это должно быть что-то вроде «Белоснежка». Цзя Ли вспомнил, что она была одной из тех, кого он пригласил.

Другая девочка прийти не смогла, но заказала для Цзя Ли хит «С днем рождения!» в программе по заявкам на радиостанции. Девочка попросила диктора передать ее сестринские пожелания младшему братцу!

Той отсутствующей девочкой была Лу Яньцин, единственная девочка, перед которой Цзя Ли преклонялся!

«Happy birthday to you!»

Все захлопали в ладоши и затанцевали в такт музыке, а Цзя Ли скакал безудержнее всех.

Больше всего Цзя Ли был тронут тем, что Чэнь Инда тоже явился вовремя. Он не танцевал, а только, затаившись в коридоре, учил слова. Взгляд его был обращен в потолок, губы шевелились – он бормотал слова под нос. Цзя Ли подошел к нему и дружески подтолкнул:

– Эй ты, любитель English!

– Ошибаешься, – возразил Чэнь Инда. – Я любитель China!

– Э, да разве ты не спишь и видишь, как уехал за границу? – к ним подобрался и Лу Чжишэн. Танцевал он дурно, движения больше напоминали какие-то единоборства. К тому же, помахав руками и ногами, он начинал громко пыхтеть.

– Нет! – сказал Чэнь Инда. – За границей у большинства китайцев статус низкий. Я выучусь и стану в Китае первоклассным экспертом по вооружениям. Что думаете?

– Классно! – Лу Чжишэн поспешил заявить о своих планах. – Я буду твоим телохранителем!

Цзя Ли протянул Чэнь Инда руку:

– Давай все-таки будем тремя мушкетерами!

Чэнь Инда поправил очки и торжественно протянул руки друзьям, а в подтверждение своих намерений дал каждому из них пять. Так три мушкетера наконец воссоединились.

Было уже поздно, а день рождения все продолжался, и никому не казалось, что пора заканчивать. Вдруг Линь Сяомэй воскликнула:

– О, вот и дождь пришел с нами повеселиться.

Девочки такие быстрые, кажется, уже давно выскочили на улицу.

Лу Чжишэн вскрикнул и рванул за ними. Он ездил на новом велосипеде, считая его показателем своего социального положения, и боялся, что если велосипед заржавеет, больше нельзя будет им щеголять. Однако он очень быстро вернулся, похлопал Цзя Ли по плечу и сказал:

– Там две живые легенды занесли все велосипеды с улицы в коридор. Если у тебя есть совесть, надо их поблагодарить!

Цзя Ли поспешно выбрался на улицу и увидел в сумерках, что в конце коридора, прижимаясь друг к другу, стоят папа и мама.

– Как вы там? – запинаясь, крикнул Цзя Ли.

– Так себе, – сказал папа. – Я так же волновался, когда ждал во дворе роддома вашего появления на свет.

Мама зевнула:

– Давно столько не ходила пешком!

Ребята толпой вышли на улицу, оставаться им уже было неудобно. Одни издали слегка поклонились писателю и его жене, а другие просто ушли, словно бегством спасались. Даже Лу Чжишэн, решительно толкая свой велосипед, ринулся под дождь.

Мама крикнула:

– Куда же вы торопитесь? Подождите, когда дождь закончится, тогда и пойдете!

– Вот это-то и называется удаль! – сказал Цзя Ли. – Им нравится такое завершение праздника – с бегством!

– Вот странно! – махнул рукой папа. – Четырнадцать лет назад, когда у нас родились сын и дочь, нам и не снилось, что случится сегодняшний день! Но сегодня... я и правда очень веселился!

Цзя Ли притворился глухим, но ему казалось, что хочется заплакать. Он не знал, было ли это огромное счастье или ужас перед завтрашней контрольной по математике. Да и ну его, нет времени давать определения этому чувству.

Глава 10. Сложности с театром

«Мой друг Лу Чжишэн – человек твердый и верный, но дурно в нем то, что он всегда считает себя правым и часто поступает неправильно. Мне приходится его инструктировать. Иногда я люблю немного его надуть. Лу Чжишэн этому не рад, много раз на меня обижался. Но самое гадкое, что он научился сопротивляться так, как делают это одни дураки – не высказывать свою точку зрения в лицо. Когда мы с ним прощаемся, он быстренько подсовывает мне записку с совершенно таинственным видом, будто выполняет сложную шпионскую задачу».

(Из дневника Цзя Ли)

Хотя Цзя Ли с сестрой Цзя Мэй родились в один день, по коэффициенту умственного развития они явно отличались друг от друга. Цзя Мэй было сложно собраться с мыслями, она только и умела, что следовать за чувствами. Однажды она пристрастилась к драматическим фильмам и за неделю трижды посмотрела тайваньский фильм «Пусть мама снова меня полюбит». При каждом просмотре она чуть не до полусмерти рыдала, возвращалась из кино с мокрым от слез платочком и хриплым, будто простуженным голосом, но нисколько не критиковала сценариста и режиссера за то, что те намеренно мучают людей, напротив, активно жестикулируя, советовала Цзя Ли самому посмотреть эту драму. Потом пристрастия Цзя Мэй снова сменились, и она превратилась в поклонницу популярных песен. Она коллекционировала сборники хитов, целыми днями вспоминала всяких певцов. Цзя Ли часто ее предостерегал, но девчонка по-прежнему безумствовала. В последнее время она вдруг полюбила песни какого-то Цзо Гэла.

Его имя звучало на иностранный лад, но как-то коряво. Цзя Ли видел его фотографии и, говоря по правде, особо не впечатлился. Этот паренек был художав,

с маленьким личиком и такими же глазами, но выглядел бодренько, чем-то напоминая бойкого Царя обезьян. Хотя не совсем справедливо судить о человеке по его наружности, именно таким было первое впечатление Цзя Ли. Он никогда не стал бы кривить душой и восхвалять этого товарища.

– Я хочу пойти на концерт Цзо Гэла! – объявила Цзя Мэй. – Не пойти нельзя!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.